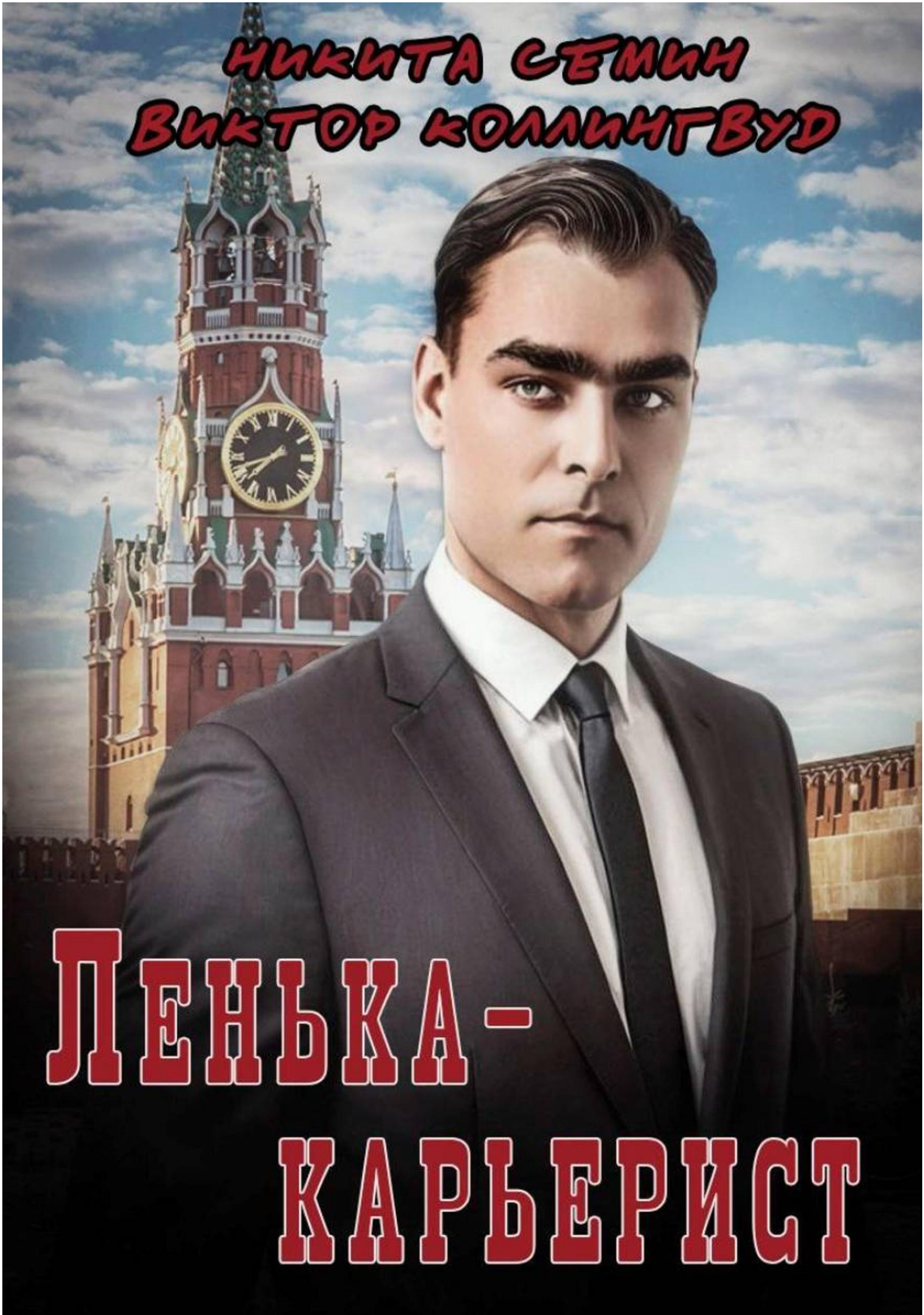

Никита Семин
Виктор Коллингвуд
Ленька-
карьерист

Никита Семин

Ленька-карьерист

«Автор»
«Автор»
2026

Семин Н.

Ленька-карьерист / Н. Семин — «Автор», «Автор», 2026

Ленька Брежнев – так меня теперь зовут. Ага, четырежды герой, генсек и т.д. В будущем. А пока – сопливый пацан 12-ти лет в самой гуще гражданской войны.Стартовые условия – как у любого подростка тех лет, и лишь мысль, что настоящему Леониду Ильичу удалось дойти до вершины, греет и не дает сдаться. Но самое главное – не повторить его ошибок на вершине власти... до которой еще нужно добраться!

© Семин Н., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 20
Глава 4 26
Глава 5 34
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Никита Семин, Виктор Коллингвуд
Ленька-карьерист

Глава 1

Ноябрь 1927 года

Холод. Тяжелый, всепроникающий холод каменного мешка, который, казалось, пробирает до костей. Я лежу на жестких, дощатых нарах, и каждый вздох отзывается тупой, ноющей болью в ребрах. Во рту — привкус крови, левый глаз заплыл, и мир видится сквозь узкую, багровую щелку.

Политизолятор. Как странно и дико звучит это слово. Еще недавно я был коммунистом, будущим инженером, человеком с блестящими перспективами. А сегодня — я просто номер. Арестант. Контра.

Глупо. До чего же глупо все получилось.

Я пытаюсь пошевелиться, но боль пронзает все тело. Вчерашний допрос… или это было позавчера? Время здесь, в этой серой, безликой камере, как будто потеряло всякий смысл. Оно тянется, как резина, то сжимаясь до одного бесконечного мгновения боли, то растягиваясь на целую вечность пустоты.

Помню только яркий, слепящий свет лампы без абажура, направленной прямо в лицо. И глаза. Спокойные, невыразительные, почти скучающие глаза следователя в форме ОГПУ. Нет, он не кричал, не угрожал — просто, задавал одни и те же вопросы. Монотонно, методично, как дятел, долбящий сухую ель.

— Ну что, Брежнев, будем говорить? Или опять повторим?

— Я уже все сказал. Я ни в чем не виноват!

— Не то, Брежнев, не то.

А когда я отказывался отвечать так, как ему было нужно, он молча кивал двум своим помощникам, стоявшим за моей спиной. И начиналось… И главное — все как-то буднично, по-рабочему. Как будто они не человека били, а гвозди забивали.

Камера. Четыре шага от стены до стены. Маленькое, зарешеченное окно под самым потолком, через которое виден только клочок серого, враждебного неба. Тяжелая, окованная железом дверь с глазком, в который время от времени заглядывает безликое лицо надзирателя. И этот звук, от которого стынет кровь — тяжелый, скрежещущий поворот ключа в замке. Он отмеряет мою новую жизнь: утром — подъем. Три приема пищи. Допрос. Вечером — отбой. А между ними — пустота, наполненная болью и страхом.

Трижды в день в окошко в двери просовывают миску с баландой. Теплая, мутная жижа, в которой плавает несколько разваренных капустных листьев, несколько долек картофеля и кусок липкого, сырого хлеба. Не разгуляешься!

Но самое скверное — не холод, не голод и не боль. Хуже всего — страх забвения, предчувствие, что мое личное дело затеряется в бесконечных папках этого чудовищного, бездушного ведомства, и я так и сгнию здесь, в этом каменном мешке, безымянной песчинкой, раздавленной безжалостными жерновами истории.

Кто-нибудь вспомнит обо мне? А может, те, кто может вспомнить, тоже уже здесь, в соседних камерах? А если и нет — откуда знать им, где меня искать? А родители? Даже если и дойдет до них весть — что они смогут сделать?

В окне камеры темнеет — это опускается ночь. Боль немного отпускает, и я лежу на нарах, смотрю на казенную синюю облупившуюся стену и слушаю тишину.

Интересно, удастся ли мне выбраться отсюда? И главное — когда? Или это уже все? На дворе ноябрь 1927 года, и вот, вместо успешного продвижения по партийной лестнице я — в политизоляторе. Побитый, раздавленный, почти потерявший надежду. Глупо. До чего же, черт возьми, все глупо получилось.

***

За полтора года до описанного события

Тот вызов в Москву и разговор со Сталиным стал поворотной точкой в моей судьбе. После окончания разговора меня не отправили в тюрьму, как я больше всего опасался, а заселили на пару дней в комнату в бывшем доходном доме, использующемся сейчас как гостиница. И лишь спустя два дня последовал новый вызов к товарищу Сталину.

— Праходите, товарищ Брэжнев.

— Рад, что вы так быстро вспомнили обо мне, — невольно от нервов и томительного двухдневного ожидания вырвалось у меня.

— Я все помню, таварищ Брэжнев, — сказал он холодно и официально. — И письма твои тоже помню. И про пионэров, и про радио. Хорошие письма, правильные. С государственным подходом. И вот это твое последнее… про коренизацию… тоже интэресное.

У меня отлегло от сердца. Судя по тону Сталина, кажется, буря миновала.

— Значит, вы считаете, что я…

— Что ти полез нэ в свое дэло? — перебил он меня. — Пачэму же. Национальний вопрос — это очэнь важний вопрос. И то, что ти об этом думаешь, озабочен этим, — это харашо. Это гаварит о тебе как о настоящем коммунисте, а не просто о комсомольском функционере.

Он снова заходил по кабинету, раскуривая свою трубку.

— Мы в ЦК, — он сделал паузу, — обсудили твое письмо. И приняли па нему решение.

— Какое, товарищ Сталин? — с замиранием сердца спросил я.

Он остановился, посмотрел на меня своим пронзительным взглядом.

— Этого я тебе пока не скажу. Не твоего ума это дело, знать обо всех решениях ЦК.

Он помолчал, потом его лицо снова стало жестким.

— Скажу, товарищ Брэжнев, что твои мысли были услышаны. А тебе дам один савэт. Больше ты эту тэму не поднимай. Нигде. Никогда. Ты меня понял?

— Понял, товарищ Сталин, — кивнул я.

— Вот и харашо. А теперь возвращайся в свой Харьков. Работай. Учись. И готовься. Мы тут, в ЦК, рэшили присмотреться к тебе повнимательнее. Есть мнение, что скоро ты нам панадобишься здесь, в Москве!

Он снова сел за свой стол, давая понять, что разговор окончен.

— Можете идти, таварищ Брэжнев.

Я вышел из его кабинета, как во сне. Ноги были ватными, в ушах шумело. Я шел по гулким, пустынным коридорам Кремля, и в голове у меня была полная сумятица.

Что это было? Гроза пронеслась мимо? Или это только затишье перед бурей?

С одной стороны, меня не расстреляли, не отправили в лагеря. Даже, в чем-то, похвалили. Значит, мои идеи не отвергли? Значит, какие-то действия по уменьшению или отмене этих безумных перегибов с украинизацией все-таки будут предприняты?

Но с другой стороны… это его «больше ты эту тему не поднимай». Вообще непохоже на похвалу! И это его «присмотреться к тебе повнимательнее». Что это значит? Что за мной теперь будут следить? Каждый мой шаг, каждое слово будут под микроскопом? А перевод в Москву… это награда или ссылка под присмотр?

Я вышел на Красную площадь. Холодный ветер бил в лицо. Я стоял, смотрел на красные стены Кремля, на звезды, которые только начинали зажигаться над ним, и чувствовал себя песчинкой, затянутой в водоворот огромной, непонятной, смертельно опасной игры.

Я вроде бы прошел по лезвию ножа и остался цел. Но почему-то на душе у меня было не радостно, а тревожно.

Я вернулся в Харьков в каком-то странном, лихорадочном возбуждении. Ощущая себя так, словно заглянул в работающий механизм огромной, безжалостной машины и чудом не попал в ее шестерни.

Первым, кто встретил меня на вокзале, был Павел.

— Ну что, Ленька? Как съездил? — спросил он, с тревогой и любопытством заглядывая мне в глаза. — Что там, в ЦК, сказали? Разнос устроили за наше письмо?

— Да нет, — я постарался изобразить на лице беззаботную усмешку. — Поговорили. По-деловому.

— И что? Будут какие-то решения по украинизации? Отменят этот идиотизм с делопроизводством? — не унимался он.

— Сказали, что мои мысли были услышаны, — уклончиво ответил я. — А большего, сам понимаешь, мне не доложили. Не мой уровень.

На следующий день меня вызвали в горком. Первый секретарь принял меня в своем кабинете.

— Ну, докладывай, Брежнев, — сказал он, не предлагая сесть. — Как встреча?

Вкратце я рассказал, что был принят лично товарищем Сталиным, что он с пониманием отнесся к нашим опасениям, назвал наши предложения «своевременными» и обещал обсудить их в ЦК. Я, разумеется, опустил все неприятные моменты и угрожающие нотки в голосе генсека.

Секретарь слушал, и его суровое лицо постепенно смягчалось. Тот факт, что меня, простого комсомольского секретаря из Харькова, принял сам Сталин, произвел на него огромное впечатление.

— Вот как, — сказал он, когда я закончил. — Значит, сам… Иосиф Виссарионович… Это серьезно.

— Да, — скромно кивнул я. — И еще, товарищ Сталин сказал, что, возможно, скоро я понадоблюсь в Москве. Приказал готовиться к переводу!

При этих словах в глазах секретаря появилось неподдельное, почтительное уважение. Перевод в Москву! По личному указанию Генерального Секретаря ЦК! Это в тогдашней партийной иерархии было равносильно взлету в стратосферу.

— Что ж, Брежнев, — сказал он уже совсем другим, почти дружеским тоном. — Это… это большая честь. И большое доверие. Мы гордимся, что наша харьковская организация воспитывает такие кадры.

Он прошелся по кабинету.

— Но раз уж так, — он остановился. — Нужно подумать, кто займет твое место в институте. Должность ответственная. Нам там нужен человек надежный, проверенный. У тебя есть кандидатуры? Кого бы ты мог порекомендовать?

Я был готов к этому вопросу, обдумывая его всю дорогу из Москвы. В сущности, выбор был невелик.

— Есть один человек, товарищ секретарь. Игорь Клевцов, очень активный комсомолец.

— Игорь? — нахмурился секретарь. — Так ему же лишь год учиться осталось. Да и не боец. А сейчас, в условиях обострения внутрипартийной борьбы, нам нужны бойцы.

— Он не боец, это правда, — согласился я. — Но честный и авторитетный комсомолец, и очень грамотный технарь. А нам сейчас, я считаю, в руководстве нужны не столько горлопаны-агитаторы, сколько практики, хозяйственники. Те, кто сможет не только говорить, но и делать. Мы с ним и радиостанцию устраивали, и парашютную вышку строили…

Тут я намеренно сделал упор на «хозяйственную» часть. Это был мой новый конек, моя новая программа.

— Кроме того, — продолжал я, — Игорь пользуется уважением и у «стариков», и у молодежи. И, что немаловажно, он не замечен в симпатиях ни к одной из оппозиционных группировок. Он — верный ленинец, человек центристских, партийных взглядов. Сейчас, когда я «почистил» ячейку от самых оголтелых троцкистов, он сможет удержать ситуацию под контролем.

Секретарь задумался.

— Хм… хозяйственник… центрист… В этом есть резон. Ладно, Брежнев. Я подумаю над твоим предложением. Кандидатура неплохая. А ты… ты пока работай. И будь наготове. Вызов из Москвы может прийти в любой день.

Я вышел из горкома, чувствуя себя гроссмейстером, только что сделавшим удачный ход в сложной, многоходовой партии. Я не только укрепил свой собственный авторитет, но и начал расставлять на ключевые посты своих, проверенных людей. Игорь, при всей своей мягкости, был человеком, которому я мог доверять. И я знал, что он продолжит начатое мной дело. Моя маленькая империя в Харькове, мой плацдарм для будущего взлета, был в надежных руках.

Помимо комсомольских дел, нужно было завершить и заводские.

— Паша, — сказал я на очередной смене своему клепальщику. — Похоже, скоро мне придется с вами распрощаться. Говорят — в Москву переводят!

— В Москву? — присвистнул он. — Ну ты, Ленька, даешь! Жаль, конечно. Толковых ребят нынче поискать! Вон, слышишь, как начальство разоряется?

Мы стояли у стапеля, на котором собирали очередной паровоз. Бригада как раз заканчивала клепку огромного листа котельной стали. Грохот стоял адский. Рабочие, мокрые от пота, с лицами, черными от копоти, действовали, как хорошо отлаженный механизм. А за ним я вдруг увидел небольшую делегацию из руководства нашего цеха, в которой выделялась высокая фигура начальника цеха Николая Сафроновича Веригина. Его резкий, зычный голос прорывался даже сквозь постоянный гром клепальных работ:

— … безответственность… Разорили завод…. на вас нет! — доносились до нас обрывки фраз.

Нам, находившимся шагах в двадцати, разобрать суть дела, конечно же, было невозможно, но было совершенно очевидно: начальство чем-то сильно недовольно.

— А что случилось? — невольно спросил я.

— А, ну ты же в отъезде был, не знаешь! Квартальный план цех завалил: не справляемся со сроками!

— Чего вдруг? Мы вроде последние месяцы ничего не завалили…

— Мы-то что! Сверловка отстает! Молодые рабочие пришли, деревенские. Много сверл наломали, а они, сам знаешь, американские, из быстрорежущей стали. Ну вот, а если нет дырок, то как клепать-то?

— А вот говорил я тебе, Пашка, что клепка скоро уйдет в историю. По-другому надо работать!

— А как иначе? — пожал плечами Павел.

— Сварка, Паша! Электрическая сварка! — перекрывая грохот, крикнул я. — Вот наше будущее!

Разумеется, я-то знал, что будущее за электросваркой. Но до сих пор мои попытки как-то внедрить ее на заводе ни к чему не приводили. Я пытался заводить разговоры об этом с мастерами, со старыми рабочими, но везде натыкался на стену недоверия. Тот же самый товарищ Веригин, начальник цеха, к которому я обращался по этому поводу, даже отказался обсуждать такое радикальное изменение технологии:

— Сварка? — пожал он плечами. — Баловство все это. Годится, чтобы трещину на старом ведре заварить, а не паровозный котел собирать. Нет, сынок, супротив клепки ничего надежнее нет. Проверено! И не приставай с этим ни к кому — засмеют!

И я тогда отступился, до удобного случая. И вот, кажется, тот самый случай, который наглядно показал бы все недостатки старой технологии, именно сейчас мне и представился. Похоже, что вот он — мой час! И в обеденный перерыв я пошел к главному инженеру, товарищу Поплавскому. Он находился в своем кабинете в конторе, что была аккурат напротив кабинета директора. Как обычно, к нему было много посетителей, пришлось подождать.

Наконец, секретарша пропустила меня внутрь.

Ян Казимирович Поплавский, худощавый специалист лет сорока пяти, сидел за необъятным, заваленным бумагами столом. Перед ним стоял стакан чая в серебряном подстаканнике, а пепельница рядом была буквально завалена горой окурков. В отличие от большинства заводского начальства, ходившего в полувоенных френчах, Поплавский был одет в светлый льняной летний костюм, и в целом имел вполне интеллигентный вид. Но все на заводе знали, как обманчива его внешность: при необходимости Поплавский мог «загнуть» не хуже сапожника с сорокалетним стажем.

— Ян Казимирович, я слышал, что наш цех план не выполнил?

— Да, на четырнадцать процентов! — устало кивнул тот. — А что вас, товарищ, в связи с этим интересует? Хотите проработать меня по «комсомольской» линии? Право, я староват для ваших нотаций!

— Нет, не хочу! Ведь виноваты не вы, не начальник цеха, не мастера, а… технология!

— Какая еще технология? — не понял он.

— А та самая, по которой мы работаем! Мы сверлим тысячи дыр, чтобы потом забить их заклепками. Тратим на это уйму времени, сил, дорогого инструмента. А ведь можно обойтись и без этого!

— Это как же, позвольте поинтересоваться? — в его голосе прозвучала ирония.

— А с помощью электросварки, — сказал я. — Соединять листы металла не заклепками, а сварным швом. Это и быстрее, и дешевле, и, если правильно делать, гораздо прочнее. И сверла ломать не придется.

Поплавский снял очки, прикрыл усталые глаза, на какое-то время застыл так, затем вновь взглянул на меня.

— Молодой человек, вы предлагаете авантюру! Сварной шов… Да он же хрупок, как стекло! Вы хотите, чтобы наши паровозные котлы, в которых давление достигает десятков атмосфер, лопались на ходу? Вы хотите пустить под откос не только поезда, но и всю нашу репутацию?

— Никакой авантюры, — спокойно возражал я. — Я предлагаю новую, прогрессивную технологию.

— Новую?! — он саркастически рассмеялся. — Да этой вашей «новой» технологии скоро тридцать лет в обед! Еще в девяносто пятом году, если не ошибаюсь, некий господин Бернадос демонстрировал свой «Электрогефест». И что? Где он сейчас, этот ваш «Электрогефест»? Никто в мире не использует его для ответственных конструкций! Только для мелкого ремонта, для латания дыр, для напайки износившихся деталей. Потому что не работает это все! Шов получается слабый, пористый, ненадежный!

«Электрогефест»… Бернадос… Что-то смутно знакомое шевельнулось у меня в памяти. Я понял, что мне не хватает теоретической базы, чтобы разбить это недоверие. Надо почитать, что за «Электрогефест» и что там не получилось у этого Бернадоса!

— Товарищ Поплавский, позвольте мне подобрать обоснование и представить вам все в письменном виде.

Главный инженер устало кивнул, и в тот же вечер я отправился в институтскую библиотеку. В тихом, пахнущем пылью и старой бумагой читальном зале я зарылся в подшивки старых технических журналов, и вскоре нашел то, что искал.

В журнале «Электричество» № 1 за 1882 год я нашел статья о «Способе соединения и разъединения металлов действием электрического тока», запатентованном инженером Николаем Николаевичем Бернадосом. Я впился в текст, в чертежи…. и все понял.

Бернадос, опередивший свое время гениальный изобретатель, использовал для сварки угольный электрод. Дуга горела между этим угольным стержнем и свариваемыми деталями, а в пламя подавалась присадочная проволока. Но при этом расплавленный металл шва неминуемо насыщался углеродом из электрода, становился хрупким, как чугун; ну а кроме того, он окислялся кислородом воздуха. Именно поэтому шов и получался пористым и слабым. Мне же, как и любому существу мужского пола из 21 века, было прекрасно известно, что нужно было использовать не угольный, а металлический электрод, и, самое главное, — защитить сварочную ванну от воздуха. Сделать это можно было с помощью специальной обмазки, нанесенной на электрод. При горении дуги эта обмазка плавится, создавая вокруг капли расплавленного металла газовое облако и слой жидкого шлака, которые, как панцирем, защищают шов от окисления. Правда, химического состава флюса я не знал, но ведь очевидно же, что можно воспользоваться богатым опытом металлургии, позаимствовав флюсы, применяемые при плавках стали. А там, «методом тыка», подберем наилучший состав для электрода!

Вооружившись этим знанием, я написал толковую докладную на имя Поплавского. Правда, имелись у меня сильные подозрения, что Ян Казимирович, скорее всего, отправит мою бумагу «под сукно», завалив ее бездной разного рода срочных распоряжений и циркуляров. Поэтому, чтобы ему думалось бодрее, я перешел в контрнаступление, начав настоящую пропагандистскую кампанию в поддержку технологии электросварки. Я выступал на комсомольских собраниях, в цехах, рисовал на доске схемы, объяснял на пальцах.

— Товарищи! — говорил я рабочим. — Нам говорят, что сварка — это ненадежно. Это ложь! Это говорят те, кто цепляется за старое, кто боится нового! Они ссылаются на опыт тридцатилетней давности, на аппарат Бернадоса. Но техника не стоит на месте! Мы, советские инженеры, советские комсомольцы, должны идти вперед!

А затем рассказывал им о своей идее металлического электрода в защитной обмазке.

— Представьте себе, — говорил я, — электрод, покрытый специальным флюсом, как конфета глазурью. При горении дуги этот флюс создает защитную атмосферу! Он не дает кислороду проникнуть в металл, и шов получается не хрупким, а прочным, вязким, однородным! Таким швом можно сваривать не ведра, а котлы паровозов, корпуса кораблей, броневые листы танков!

Мои слова находили отклик. Рабочие, уставшие от адского грохота клепки, от тяжелого физического труда, слушали меня с надеждой. Комсомольцы, жадные до всего нового, прогрессивного, поддерживали меня с восторгом. Кроме того, ведь от выполнения плана зависели еще и премиальные выплаты работникам, так что их интерес был совсем не абстрактным.

Через неделю моя компания сработала. В конце смены, когда я уже закончил уборку рабочего места и собирался идти в раздевалку, меня выловила секретарша.

— Ян Казимирович ждет вас! Он у себя! — сообщила она.

Поплавский действительно был в своем кабинете. Несмотря на настежь открытое окно, в которое залетал тополиный пух, накурено у него было — хоть топор вешай. Сам Поплавский, нахмурившись, как раз читал мою записку.

— Садись! — не глядя на меня, буркнул он, продолжая читать. — Хм… обмазка… контроль качества… — бормотал он, ногтем подчеркивая те или иные слова в тексте. — А ты, я вижу, парень, не только языком молоть умеешь. Откуда такие познания?

— В институте проходим, товарищ начальник. И в иностранных журналах читаю. Техника не стоит на месте!

— Это верно, — согласился он. — Но все это… слова. Теория. А на практике кто это будет делать?

— А вот для этого, — сказал я, — я и предлагаю создать на заводе постоянно действующую группу. Назовем ее… «Бригада рационализаторов коммунистического труда». Или просто — БРКТ. Мы, комсомольцы, студенты-технологи, вместе с вашими лучшими мастерами, будем отрабатывать новые технологии. Не только сварку, но и пневматический инструмент, и новые методы обработки металла. Будем проводить опыты, испытания. И то, что окажется лучшим, самым эффективным, — внедрять в производство!

— БРКТ… Ну что же, хорошо звучит, по-революционному. Ладно, Брежнев. Убедил. Пиши свою заявку. Попробую я ее директору на стол положить. Может, и вправду что-то путное из твоей затеи выйдет.

***

Итак, я добился своего. На очередном техническом совете, под давлением парткома и комсомольской организации, было принято решение: дать моей идее шанс, создав ту самую «бригаду рационализаторов» и провести эксперимент. Сварить два одинаковых образца — один по старой технологии, с угольным электродом, другой — по новой, с моим, «усовершенствованным». А потом — испытать их на прочность.

Эксперимент был проведен и закончился успехом. Конечно, было понятно, что это — только начало. Впереди — месяцы опытов, неудач, борьбы с консерватизмом. Изучением электросварки должен заниматься научно-исследовательский институт, чтобы подобрать техпроцессы для разных марок сталей, разных условий сварки, и так далее. Надо еще разработать и точечную сварку, и сварку на полуавтоматах, и сварку трением… Но для меня важно было именно запустить этот процесс, показать путь к будущему. И это будущее, шипя и разбрызгивая снопы искр, уже рождалось здесь, в этом гулком, прокопченном цеху харьковского завода.

О бригаде рационализаторов коммунистического труда вскоре стало широко известно. Про нас писали газеты, к нам стали приходить рабочие и технические специалисты из других предприятий. Кроме электросварки, мы смогли разработать несколько вариантов ручного инструмента, в частности — углошлифовальную машину на пневмоприводе.

Однажды, в жаркий июльский день, когда я снова, уже в сотый раз, рассказывал о металлическом электроде, к нам подошел молодой человек, которого я раньше в цеху не видел. Он был худощав, высок, с копной непослушных светлых волос и очень серьезными, умными глазами, которые с любопытством смотрели на меня.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказал он, немного застенчиво. — Я случайно услышал ваш разговор. Вы говорили об электросварке ответственных конструкций?

— Говорил, — кивнул я.

— Мы — группа студентов из Киева! — пояснил он. — У нас на ХПЗ практика. Я учусь на «двигателях», и меня очень заинтересовала ваша идея.

— Отлично! Пойдемте, я вам покажу.

Я повел его в наш уголок, где мы с ребятами проводили свои опыты. У нас уже был сварочный аппарат и несколько электродов, которые мы сделали сами, обмазав их смесью мела, жидкого стекла и толченого марганца.

— Петренко, покажи товарищу, как это работает!

Молодой рабочий надел защитные очки, маску, и зажег дугу. Синее, шипящее пламя осветило наши лица. Петренко медленно повел электродом, сплавляя два куска металла.

Киевляне стояли рядом и, затаив дыхание, смотрели на ровный, дымящийся шов, который оставался за моим электродом. Они, как будущие настоящие инженеры, сразу оценили всю элегантность и мощь этой новой технологии.

— Невероятно… — прошептал молодой человек, когда сварка была закончена. — Шов получается идеальный. Чистый, плотный!

Он взял молоток и с силой ударил по шву. Металл гулко отозвался, но шов даже не треснул.

— А ведь это… это же революция, товарищ Брежнев! — сказал он, и его глаза горели восторгом. — Революция в металлообработке!

— Пока еще не революция, — усмехнулся я. — Пока это только маленький опыт, самое начало. Но я думаю, у этой технологии большое будущее.

— Можно мне… можно мне приходить к вам? — спросил он с жадностью. — Смотреть, участвовать?

— Конечно, — кивнул я. — Нам толковые головы всегда нужны. А как вас звать-величать?

— Люлька. Архип Люлька! Немного забавная фамилия, но только вы имейте в виду, товарищ Брежнев, у нас на Киевщене «люлька» — не детская кроватка, а самодельная крестьянская трубка!

От неожиданность я аж присел. Вот это удача! Архип Люлька — ведь это же знаменитейший в будущем инженер, конструктор авиационных двигателей!

В тот вечер я познакомил его с ребятами из нашего БРКТ. Люлька, с его глубокими знаниями в области материаловедения, тут же включился в работу. Он предложил несколько новых составов для обмазки, рассчитал оптимальные режимы сварки для разных типов стали.

К сожалению, через несколько дней практика у него заканчивалась, и он уезжал обратно в Киев. Мы расставались почти друзьями.

— Жаль, что приходится расставаться, Леонид, — сказал он мне на прощание. — Мы бы с вами таких дел наворотили!

— Ничего, Архип, — ответил я. — Еще поработаем вместе. На больших, всесоюзных стройках. Оставьте ваш почтовый адрес, будем поддерживать переписку!

***

А в начале августа случилось то, чего я так долго и с таким нетерпением ждал. Меня вызвали в горком.

Первый секретарь, суровый большевик, не так давно учивший меня борьбе с оппозицией, встретил меня на удивление тепло.

— Ну что, Брежнев, дождался, — сказал он, пожимая мне руку. — Пришла бумага из Москвы. Из ЦК комсомола.

Он протянул мне официальный бланк.

— Тебя, товарищ Брежнев, как одного из лучших и перспективных комсомольских активистов, переводят на учебу в Москву. В Московское высшее техническое училище имени Баумана. По специальной «комсомольской путевке».

МВТУ! Бауманка! Главный технический вуз страны! У меня перехватило дыхание. Это даже больше, чем я мог мечтать!

— Так что, собирай свои вещи, будущий инженер! — хлопнул меня по плечу секретарь. — Москва ждет. Не посрами честь нашей харьковской организации.

Следующие несколько дней прошли в предотъездной суете. Нужно было сдать дела в ячейке, попрощаться с ребятами на заводе, а главное — собрать бесчисленные справки и бумаги для перевода в другой институт.

Я бегал по гулким, полупустым коридорам ХТИ, из канцелярии в деканат, от одного стола к другому. И вот, выходя из кабинета проректора с последней, самой важной бумагой, я столкнулся в коридоре с девушкой.

Она несла стопку книг и, от неожиданности, выронила их. Книги со стуком посыпались на каменный пол.

— Ой, простите! — воскликнула она.

Я наклонился, чтобы помочь ей. И, подняв глаза, замер.

— Лида?! — вырвалось у меня. — Ты? Что ты здесь делаешь?

— Леня! — она тоже узнала меня, и ее лицо вспыхнуло радостным, счастливым румянцем. — А я… а я поступать приехала!

Она стояла передо мной, повзрослевшая, похорошевшая, в простом ситцевом платье, и смотрела на меня своими огромными, темными глазами. И в этом взгляде было столько надежды, столько веры, столько ожидания, что у меня все похолодело внутри.

— Поступать? — пролепетал я, чувствуя, что краснею. — Сюда? В ХТИ?

— Да! — она счастливо кивнула. — Ты же сам сказал… помнишь? Ты сказал, чтобы я приезжала в Харьков. Что если нам суждено… Ну, вот я и приехала. Школу закончила, с родителями договорилась. Знал бы ты, как тяжело они меня отпустили! Пришлось все рассказать. Ну, они сказали, раз сердце зовет…

Она смотрела на меня, и в ее взгляде не было ни тени колебаний, ни грамма сомнений. Она приехала ко мне. А я… я уезжал.

Глава 2

Поезд из Харькова прибыл на Курский вокзал ранним утром. Лучи августовского солнца еще только коснулись вершин столичных зданий, а на усыпанном окурками перроне уже царила обычная вокзальная суета. Паровоз серии «О», выдохнув в прохладный воздух последнее облако белоснежного пара, проводил нас, приехавших в Москву, протяжным и печальным гудком. Выйдя из вагона на запруженный, галдящий перрон, я полной грудью вдохнул густой, смешанный из запахов угля, креазота, махорки и какой-то столичной деловитости воздух. Москва. Я снова был здесь! Несколько месяцев назад я ехал сюда, как на плаху, не зная, что ждет меня впереди — похвала или расстрельный подвал. Теперь же я ступил на московскую землю победителем, а в кармане лежала «комсомольская путевка» в лучший технический вуз страны. За спиной реальные, признанные на самом верху дела, впереди — головокружительные перспективы.

И город, словно чувствуя эту перемену во мне, предстал в совершенно ином свете. Он больше не казался враждебным, чужим. Наоборот, столица выглядела какой-то по-купечески радушной, немного сумбурной, но полной энергии и жизни.

Наняв извозчика, я поехал по утренним улицам. Что сказать — Москва 1926 года оказалась натуральным «городом контрастов». Рядом с последними, запряженными худыми, изможденными лошадьми, ямщицкими пролетками, тарахтя и выпуская облака сизого дыма, уже проносились первые советские автомобили — АМО, ФИАТы и импортные «форды». Что удивительно — водители их поминутно давали сигналы клаксона, отчего воздух то и дело прорезали разноголосые автомобильные гудки. По булыжной мостовой, поминутно звеня и громыхая, ползли трамваи, на подножках которых, явно рискуя жизнью, висели и молодые ребята — видно, рабочие и студенты, и вполне солидные товарищи с пузатыми портфелями. Впрочем, и на тротуарах кипела жизнь. Сновали озабоченные служащие в потертых серых френчах с портфелями под мышкой. Важно вышагивали нэпманы в добротных костюмах и заграничных шляпах-«котелках» со своими разодетыми, нарумяненными спутницами. То и дело попадались на пути красноармейцы в гимнастерках и похожих на буденовки панамах «здравствуй и прощай», и, конечно, молодежь. Много молодежи: мои ровесники, молодые, веселые, с радостью и надеждой глядящие в будущее.

Столичные виды успели мне наскучить, когда извозчик, наконец, довез меня прямо до МВТУ. Здание училища, старинное, величественное, в самом сердце города, на берегу Яузы, производило сильное впечатление. Войдя в знаменитый «циркуль» — главный корпус, я на мгновение замер. Длинные, гулкие коридоры, высокие, сводчатые потолки, портреты великих ученых на стенах — здесь все дышало историей науки, мощью русской инженерной мысли.

Деканат Механического факультета нашелся без труда. Тут я почти сразу же понял, кто здесь настоящее солнце, вокруг которого вращаются все планеты. Деканом у нас числился пожилой, благообразный профессор, но настоящим хозяином факультета, его идейным вождем был Владимир Яковлевич Климов. Профессор, заведующий кафедрой авиадвигателей, он был для нас, студентов, живой легендой. Как оказалось, попасть на его лекцию, а тем более в его лабораторию, считалось невероятной удачей. Именно он занимался самыми передовыми разработками — мощными V-образными моторами жидкостного охлаждения, теми самыми, что должны были поднять в небо истребители нового поколения. Я поставил себе цель во что бы то ни стало привлечь его внимание.

Документы и путевка из ЦК комсомола легли на его стол. Он долго, внимательно изучал их, потом поднял на меня свои умные, немного уставшие глаза.

— Брежнев, значит? Из Харькова? — спросил он. — Наслышан, наслышан о ваших… подвигах. И про вышку, и про радио. Похвально. Людей с такой, как у вас, хваткой у нас ценят!

Он написал что-то на моих бумагах, поставил размашистую подпись.

— Ну что ж, товарищ Брежнев, добро пожаловать в ряды студентов Московского высшего технического училища. Вы зачислены на второй курс, в группу по специальности «Станки и обработка металлов». Вот, — он протянул мне студенческий билет, — а это — направление в студенческое общежитие.

Первоначальное удивление от «понижения» в курсах было развеяно быстро. В Харькове я должен был перейти на четвертый курс, но так как при переводе у меня сменилась и специальность, требовалось догнать других студентов по профильным темам. Поэтому спорить я не стал. Взял бумаги, развернул их. Все: отныне я — московский житель и студент МВТУ.

Выйдя из деканата, я сжимал в руке направление в общежитие, чувствуя, что начался новый, самый важный этап в моей жизни. Я шел по гулким коридорам Бауманки, мимо аудиторий, из которых доносились редкие голоса профессоров и студентов, и чувствовал себя на своем месте. Здесь, в этих стенах, ковалось будущее страны! Конечно, было понятно, что жизнь в студенческой коммуне будет не сахар, но это меня уже не пугало. Пуганые мы!

***

Общежитие МВТУ, или, как его называли студенты, «Демидовка», располагалось в старом доходном доме в Малом Демидовском переулке, недалеко от главного здания. Это был мрачный, четырехэтажный колодец с темными, пахнущими сыростью и кошками, лестницами. Когда-то здесь жили состоятельные мещане, а теперь, после «уплотнения», в бывших барских квартирах ютилось пролетарское студенчество.

Комендант, пожилой, усатый инвалид Гражданской войны с пустым рукавом гимнастерки, аккуратно заправленным за ремень, долго вертел в единственной руке мое направление, потом крякнул и, покопавшись в своём ящике, выдал ключ.

— Комната сорок семь, третий этаж. Не заблудись!

Комната оказалась даже, пожалуй, еще теснее и обшарпаннее чем была у меня в Харькове. По крайней мере, там у меня была единственная кровать, и ночевал я (по большей части) в гордом одиночестве. А тут почти все пространство горделиво занимали четыре железные койки с прогнутыми, как гамаки, сетками, вплотную придвинутые друг к другу. Один стол, шаткий, покрытый шрамами от ножей и чернильными кляксами, заваленный книгами и какими-то чертежами, и несколько разномастных тумбочек дополняли картину. Пока здесь было почти пусто: август — время каникул. Но очень скоро я понял, что одна из стен комнаты — всего лишь тонкая перегородка: из-за нее доносились чьи-то жизнерадостные голоса. В общем, фактически придется теперь жить сам-восемь!

В комнате нашей оказался только один жилец: парень лет двадцати, коренастый, широкоплечий, с добродушным, открытым лицом и мозолистыми, рабочими руками. Он сидел на койке и чинил сапог, ловко орудуя дратвой и специальным шилом с крючком.

— Здорово! — сказал он, поднимая на меня ясные, серые глаза. — Заселяешься?

— Здорово, — в тон ему отвечал я. — Брежнев, Леонид.

— Василий. Можно просто Вася.

Мы пожали руки.

— Откуда сам? — спросил он.

— С Каменского, с Украины. Перевелся из Харькова. А ты?

— А я здешний, подмосковный. Третий год уже тут кантуюсь.

— А где остальные? — спросил я, кивнув на пустые койки.

— Кто где, — усмехнулся Василий. — Один в деревню уехал, родителям помогать. Другой — на стройке где-то шабашит. К сентябрю съедутся. Будет весело.

Я бросил свою валезу* под свободную койку и сел на скрипучую кровать.

— Ну, рассказывай, как тут у вас жизнь студенческая? — спросил я. — А то у нас, в Харькове, по осени — в деревню, на картошку.

Василий расхохотался.

— На картошку? Это ты, брат, загнул. Это тебе не деревня. Здесь — Москва, столица. У нас задача — учиться, инженерами становиться. Даже с комсомольской жизнью не очень-то напрягают, чтобы не отвлекать. А картошку пусть крестьяне растят.

Тут я тихонько вздохнул с облегчением: по крайней мере, в сентябре не придется вместо учебы ковыряться в подмосковных глиноземах.

— А на что живете? — спросил я. — Стипендии хватает?

— Шутишь? Этой стипендии, брат, хватает ровно на то, чтобы с голоду не помереть. И то, если ее вовремя дадут. Все подрабатывают, кто где. Я вот на заводе «Серп и Молот» слесарю. Кто-то — на разгрузке вагонов, кто-то — на стройке впахивает. Крутимся, в общем, как и все!

Я понял, что и мне придется искать работу. Денег, привезенных из Харькова, надолго не хватит, а отец ничего не присылал. Нужно было становиться на свои ноги.

Но куда пойти? На завод, как в Харькове? Это был проверенный, но крайне тяжелый вариант. Хорошо, что на ХПЗ я сумел устроиться на вторую смену, да и то — времени на самоподготовку совершенно не оставалось. Правда, спасала «бригадная система» — иной раз можно было и прохалявить. Но здесь — столичный вуз, вон, сам Климов преподает — прокатит ли здесь такое? Лишний раз рисковать не хотелось.

Вечером я вышел побродить по окрестным улицам. Москва жила своей бурной, нэпманской жизнью. Сверкали витрины магазинов, из окон ресторанов доносилась музыка и женский смех, по улицам проносились дорогие автомобили. Это был мир денег, роскоши, удовольствий. И этот мир был так далек от нашей студенческой коммуны с ее скрипучими койками и пшенной кашей на воде.

Я стоял на углу, смотрел на этот праздник жизни, и чувствовал, как во мне закипает холодная, злая энергия. Я не хотел быть просто зрителем. Я хотел быть участником.

Я должен был найти способ заработать. И не просто на пропитание, на комнату. А заработать по-настоящему. Чтобы не считать каждую копейку, чтобы не зависеть ни от кого.

Но как? Что я мог предложить этому городу? Свои знания? Свой опыт? Я был всего лишь студентом-второкурсником.

Я вернулся в общежитие, когда уже стемнело. Василий уже спал. Я сел за стол, зажег коптилку, сделанную из консервной банки, и достал чистый лист бумаги. Нужно было думать. Думать так, как я умел. Системно, аналитически.

Нужно было найти нишу. Ту область, где спрос превышал предложение. Где можно было, приложив ум и энергию, быстро подняться. Возвращаться к физическому труду, пусть и на время, казалось мне шагом назад. Мой главный капитал — это не мускулы, а голова. И использовать его нужно было с умом.

В общем, мне нужна была не просто подработка, а место, что открывало бы двери в мир большой политики. И таким местом мог быть только партийный аппарат. Набросав варианты, я понял, что без личного похода в партком нашего училища не обойтись. И, узнав, где он находится, я отправился прямиком туда. А чего теряться? В конце концов, у меня за плечами руководство комсомольской организацией института!

Секретарем комитета был студент старшего курса, человек уже солидный, в очках и аккуратном, хоть и потертом, песочного цвета френче.

— Товарищ Брежнев? — спросил он, с удивлением разглядывая мою «комсомольскую путевку» и рекомендации. — Из Харькова, значит. Слыхали, слыхали о ваших начинаниях. Что ж, добро пожаловать в нашу московскую организацию. Чем могу быть полезен?

— Я хотел бы работать, товарищ секретарь, — сказал я. — Здесь, в комитете. Любым, кем возьмете. Помощником, делопроизводителем, курьером. Я хочу научиться аппаратной работе. Хочу быть полезен комсомолу не только на стройках и митингах, но и здесь, на оргработе!

Секретарь хмыкнул, смерив меня оценивающим взглядом.

— Похвальное рвение, товарищ. Но у нас в штате все места заняты. Да и для такой работы, знаешь ли, одного комсомольского билета мало. Нужно быть как минимум кандидатом в члены ВКП (б). Это — партийная работа. А ты — еще беспартийный.

Вот тебе и раз… Оказывается, несмотря на всю мою репутацию и связи, я не мог устроиться даже на самую мелкую должность из-за одной-единственной формальности: членства в партии. Но я не собирался сдаваться:

— Значит, чтобы работать в аппарате, мне нужно вступить в партию? — уточнил я.

— Именно, — кивнул секретарь. — Подавай заявление. С твоими характеристиками, думаю, проблем не будет. А там — посмотрим!

В тот же вечер я сел за стол в нашей тесной комнате и накидал план вступления в ВКП (б). Согласно уставу Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), утверждённому ЦК ВКП (б) 17 июня 1926 года, (ну так неудачно! И что бы мне раньше в нее не вступить?), поступление в партию происходило по четкому, единообразному порядку. Для начала, кандидаты проходили кандидатский стаж: его цель — ознакомиться с программой и тактикой партии, проверка личных качеств кандидата. Срок стажа зависел от категории кандидата — для первой категории (рабочие и красноармейцы из рабочих и крестьян) — не менее 6 месяцев; для второй категории (крестьяне, кустари, не эксплуатирующие чужого труда) — не менее 1 года, для третьей категории (прочие, служащие и т. д.) — не менее 2 лет. К счастью, я имел стаж работы на ХПЗ и проходил по первой категории. С изучением истории партии, программы, устава и прочей литературы тоже можно было особо не заморачиваться: еще проходили так называемые «ленинские призывы», где к проверке знаний будущих партийцев относились ну очень лояльно, вплоть до того, что не все кандидаты знали, кто такой В. И. Ленин!

В свою очередь, чтобы стать кандидатом, надо было представить рекомендации: лица первой группы первой категории — две рекомендации членов партии с одногодичным партстажем; лица второй группы — две рекомендации членов партии с двухгодичным партстажем; ну а счастливцы из третьей категории — пять рекомендаций членов партии с пятилетним партстажем.

Короче, прежде всего, чтобы стать кандидатом, мне нужны были две рекомендации; и я решил обратиться к тем, кто знал меня по реальным делам.

Первое письмо полетело в Харьков, в горком комсомола. Я написал первому секретарю, еще раз поблагодарил за доверие и путевку в Москву и, между делом, просил его, как старшего товарища, дать мне поручительство для вступления в ряды партии.

Второе письмо я направил в партийную ячейку ХТИ. Местные коммунисты хорошо должны были помнить меня по практической работе.

Третье письмо было адресовано Игорю, моему преемнику на посту секретаря комсомольской организации ХТИ. Я просил его срочно созвать бюро, обсудить мой вопрос и выслать в мой адрес официальную характеристику и поручительство от всей институтской ячейки. Такое поручительство вполне могло заменить одну рекомендацию, и я решил, что «кашу маслом не испортишь».

Конечно, просить рекомендации по почте было не совсем корректно. Но я делал ставку на свой авторитет, на свои прошлые заслуги, ну и, чего греха таить, на то, что в партийном аппарате ценят напор и инициативу.

Оставалось только ждать. Пока не начались лекции, я подрабатывал на разгрузке вагонов на станции Москва-Сортировочная, изучал город, но все мои мысли были там, в недрах почтового ведомства, неторопливо везущего мои письма в Харьков. От этих ответов зависело очень многое!

Через две недели, которые показались мне вечностью, комендант общежития вручил мне толстый пакет. В нем были три письма. Дрожащими руками я вскрыл их.

Первое — от горкома, на официальном бланке, с размашистой подписью секретаря. Он давал мне самую лестную характеристику и рекомендовал к вступлению в партию как «проверенного, идейно выдержанного товарища». Второе — от парткома ХТИ, такое же солидное и убедительное. А третье, от Игоря, было самым теплым. Он писал, что бюро ячейки единогласно проголосовало за то, чтобы дать мне поручительство, и желал мне успехов на новом, партийном, поприще.

Я держал в руках эти три бумаги. Это был не просто пропуск в партию. Это был ключ, открывающий мне двери в совершенно другой мир. Мир власти, влияния, возможностей.

На следующий день я снова был в комитете комсомола. Молча положил на стол секретаря свое заявление о приеме в кандидаты в члены ВКП (б) и три рекомендации.

Он долго, внимательно читал их. Потом поднял на меня глаза, и в них было неподдельное удивление.

— Ну, ты, Брежнев, даешь… — протянул он. — Быстрый ты, однако.

— Время такое, товарищ секретарь, — ответил я. — Время быстрых.

Он понимающе усмехнулся.

— Ладно. С такими бумагами, думаю, твой вопрос мы вскоре решим. А пока… пока есть для тебя одно общественное поручение: поработаешь в нашей стенгазете. Нам как раз нужен человек, который сможет писать о технике, о рационализации, о роли партийных организаций на современных предприятиях. Справишься?

— Непременно! — уверенно кивнул я.

Конечно, это была еще не та работа, о которой я мечтал, но надо же с чего-то начинать? Главное — я зацепился, вошел в систему, а уж подняться по ее ступеням — дело техники!

Приближался сентябрь, и наше общежитие наполнилось загорелыми молодыми студентами и симпатичными девчатами. В один из таких дней, когда я вернулся в комнату после занятий, увидел, что на одной из пустующих коек появился новый жилец. Это был худющий, как скелет, парень с огромными, лихорадочно блестящими глазами на загорелом, но все равно каком-то нездоровом лице. Он сидел на своей койке и аккуратно раскладывал в тумбочке свои немногочисленные пожитки: пару книг, смену белья, какие-то провода и кусачки.

— Здорово! — на правах «старожила» сказал я. — Заселяешься?

— Привет! — кивнул он. — Михаил!

— Леонид.

Так я познакомился с Мишей, студентом-первокурсником с электротехнического факультета. Он подрабатывал электриком в каком-то театре и почти все время молчал, погруженный в свои мысли.

Михаил оказался хорошим спокойным и доброжелательным парнем, но было в нем кое-что странное. Когда ему удавалось раздобыть еду — будь то порция каши в студенческой столовой или купленный в магазине брусок хлеба — он никогда не съедал все: каждый раз аккуратно делил свою скудную трапезу пополам. Одну половину съедал, а вторую бережно заворачивал и прятал в тумбочку.

Сначала я не обращал на это внимания. Но когда я увидел, что еда эта, загромождает всю тумбочку, спросил у Василия:

— Слушай, Вась. Тебе не кажется, что этот Михаил — какой-то странный? Вечно у него какие-то куски по углам рассованы!

Василий, услышав меня, нахмурился

— Мишка-то? Да, есть такое, водится за ним. Психический он. С Поволжья, из-под Самары.

Тут я все понял. Видимо, парень пережил тот, самый страшный, голод двадцать первого года, видел, как умирают его родители, как люди едят собак, кошек, друг друга… И, видимо,

тот ужас, испытанный им, тот животный страх остаться без еды навсегда впечатался в сознание, занозой засев в его душе.

Ндааа… тяжелое это зрелище — человек, так искалеченный воспоминаниями о голоде… Хорошо, что больше такого никогда не повторится.

Или…

Тут память услужливо подсунула мне картину из будущего. Тридцатые годы, раскулачивание, коллективизация, и новый, рукотворный, еще более чудовищный голод, который унесет миллионы жизней. На Украине, в Казахстане, в Поволжье… Везде!

И я понял, что вся моя карьера, все мои планы, все мои интриги — все это бессмысленно, если я не смогу предотвратить ту, грядущую, катастрофу.

Стать генсеком… Этого мало. Нужно было стать тем, кто не допустит голодной смерти миллионов сограждан. Иначе Советский союз, величайший проект русского народа, получит печать первородного греха, навсегда будет ассоциироваться с голодом и мучениями людей. Ладно 21-й год, там советская власть еще толком не утвердилась. Но голод в 30-е годы всегда можно будет использовать для обвинения коммунистов в изуверской политике на селе. А я ведь собрался стать коммунистом!

Короче, надо это предотвратить. Только вот…как? Как я, один-единственный человек, мог свернуть эту чудовищную машину, которая уже набирала обороты? И удастся ли мне сделать хоть что-то, не свернув при этом шею?

* — фанерный чемодан (прим)

Глава 3

— Эй, Брежнев, шевелись, чего застыл!

Зычный окрик бригадира вывел меня из задумчивости. До начала занятий в МВТУ оставалось два дня, и мы, студенты, пользовались этим временем чтобы заработать на жизнь. Сегодня мы с Василием разгружали вагоны с какими-то ящиками на станции «Сортировочная». День выдался жаркий, и я, несмотря на молодость и силу, уже валился с ног от усталости.

— Давай, Лёнь, поднажмем! Разгрузим, а потом — в Химки, купаться! — услышал я сзади Васин напряженный голос. Похоже, ему тоже пришлось тяжело.

— Да не агитируй. Сам знаю! — хмуро отозвался я и, торопливо вытерев пот со лба, вновь взялся за груз. Мы хватали эти ящики, взваливали на плечо и, согнувшись в три погибели, тащили их на склад. К полудню спина ныла так, что, казалось, она вот-вот переломится, а руки были сбиты в кровь: никаких перчаток тут не положено. Вагонная пыль забивалась в нос, в горло, скрипела на зубах. Тяжко. Очень тяжко!

— Эх, жизня наша собачья, — кряхтел работавший передо мною пожилой рабочий по имени Кузьмич, опуская на рампу очередной ящик. — Вот так, всю жисть на горбу своем таскаешь… таскаешь-таскаешь, а там и помирать пора!

— А что делать, Кузьмич? — отдуваясь, спросился я. — Не воровать же!

— Воровать-то оно, может, и полегче будет, — усмехался он. — Да только боязно. Поймают — и враз на Соловки ушлют!

Как я не старался, даже тяжкая работа не могла отвлечь меня от мрачных мыслей. Знакомство с Мишей, этим тихим, испуганным парнем с вечным, глубоко въевшимся страхом голода в глазах, здорово выбило меня из колеи. Хорошо рассуждать отвлеченно-стратегически: вот, стану когда-нибудь генсеком или другой важной шишкой, да как начну причинять всем добро! Начну… Может, когда-нибудь и начну, да вот только все это было где-то там, далеко, в туманной дымке светлого будущего. А тут, рядом со мной, на соседней скрипучей койке, сидел живой, настоящий человек, чья душа была искалечена голодом, который уже был. А скоро придет новый, еще более страшный голод. Сколько таких Миш он прибавит? А сколько отправится в ящик? Сколько ненависти появится в украинском национальном самосознании — ведь в этот раз голод ударит главным образом по Украине…

Вот бы как-нибудь решить этот вопрос, здесь и сейчас предотвратить голод тридцатых годов! Потому что все мои будущие реформы, все мои великие планы не будут стоить и ломаного гроша, если они будут выстроены на костях миллионов крестьян.

Наконец проклятый вагон опустел.

— Ну все, шабаш! Получай зарплату, ребята! — раздался голос бригадира.

— Ну что, в Химки? — подошел ко мне Вася, засовывая на ходу в карман пиджака мятый трояк.

— Знаешь, я, наверное, пас. Настроения нет! — мрачно ответил я и, пожав ему руку, пошел к ближайшей остановке трамвая.

Мысли о предстоящем голоде и вообще, разгроме деревни под названием «коллективизация» не отпускали меня.

Можно ли вообще что-то здесь сделать? На первый взгляд — нет. Слишком серьезные силы задействованы в этом процессе, а я — один-одинешенек, без команды, без идей, без плана… Но, с другой стороны, все-таки я — человек из будущего. Возможно, если сесть и хорошенько подумать, мне придут в голову мысли, как решить эту проблему, ну или, хотя бы смягчить ее!

По крайней мере, стоит попытаться.

Оказавшись в нашей тесной комнате в «Демидовке», я взял карандаш, лист бумаги и постарался сосредоточиться. Мне нужно было подумать: ведь, чтобы лечить болезнь, нужно знать ее источник! А для этого, для начала, надо восстановить в памяти все, что я знал из истории о причинах той страшной трагедии.

И постепенно, звено за звеном, передо мной начала выстраиваться неумолимая, дьявольская в своей логике, цепь событий.

Зачем нужна была коллективизация? Затем, что зерно — это валюта. Товарищ Сталин, разгромив «левую оппозицию», перехватил у нее лозунг форсированной индустриализации. Страна, отсталая, аграрная, окруженная враждебным капиталистическим миром, должна была за десять лет пробежать путь, который Европа прошла за столетие. «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» — что-то такое говорил усатый генсек. И, черт побери, в чем-то он был прав!

Понятное дело, чтобы построить заводы-гиганты — Магнитку, Днепрогэс, тракторные заводы в Сталинграде и Харькове, — нужны были станки. Тысячи станков. Прецизионные, сложные, подавляющее большинство которых в СССР просто не производили. Их можно было только купить. Купить на Западе — в Америке, в Германии, в Англии. За валюту!

Увы, но Запад не хотел продавать станки за рубли, даже за так называемые «твердые червонцы», и уж тем более никто не собирался давать кредиты «красной» России, воспринимаемую всеми как прокаженный. Капиталисты — они ведь прагматики. Они хотели одного — твердой валюты. Ну а откуда ее взять? Золотой запас империи был давно растрачен. Добыча на приисках только-только восстанавливалась и не могла покрыть гигантские потребности индустриализации. И тогда в качестве главного экспортного товара было выбрано то единственное, что страна могла предложить в больших количествах, и то, что всегда было нужно Западу — зерно. Без вариантов: промышленных товаров мы дать не могли. Промышленность у Европы и США была своя, гораздо лучше нашей. Энергоресурсов — нефти, угля — им пока хватало своих, да и мы сами нуждались в них дозарезу. А вот дешевое русское зерно еще пользовалось спросом, и они покупали его, цинично пользуясь отчаянным положением Советского Союза, сбивая цены до минимума.

Я посмотрел на получившуюся у меня схему. Итак, вот она, вся цепочка: Индустриализация требует станков, станки требуют валюты, валюта требует зерна. А зерно нужно было где-то взять, причем задешево или, что еще лучше — бесплатно.

Не секрет, что именно для этого и была затеяна коллективизация. Нет, не для того, чтобы построить «светлую жизнь на селе», а чтобы создать эффективный механизм по выкачиванию хлеба из деревни. Создать колхозы, которые, в отличие от миллионов единоличных хозяйств, можно было легко контролировать, которым можно было навязать грабительские планы хлебосдач, а на вырученную валюту купить американские, английские и немецкие станки. А что будет с самими крестьянами, оставшимися без хлеба, — это уже никого не волновало. Партия готова была на такую жертву.

Я вновь посмотрел на записи, и от холодной, неумолимой логики этой схемы у меня по спине бежали мурашки. Ндааа… Ситуация хреновая, но если успокоиться — что тут можно было бы сделать?

Замедлить индустриализацию? Сказать мол, товарищ Сталин — вы неправы! Нельзя так гнать лошадей; нужно сбавить темпы, отказаться от гигантских строек, развиваться постепенно. Это был самый простой, быстрый и надежный способ оказаться на пресловутых Соловках: меня бы тут же обвинили в «правом уклоне», в саботаже, паникерстве со всеми вытекающими последствиями. Собственно, у Сталина под боком сейчас целый Бухарин, который об этом ему и талдычит. И что? Помогло? Нет. Сталин не отступился от своей идеи фикс, и мне тут ничего не светит.

Что еще? Найти другой источник валюты, то есть — иной товар на экспорт, предложить что-то, что Запад был бы готов покупать вместо зерна. А что? Лес? Пушнина? Этого было бы

слишком мало. Сейчас не времена Ивана Грозного, на одной пушнине далеко не уедешь. Придумать что-то еще, что-то совершенно новое, я не мог. Мои знания из будущего не включали в себя карты неведомых месторождений алмазов. Что еще? Нефть? Месторождения Баку и Грозного уже работали, но для масштабного экспорта не хватает инфраструктуры. Для резкого увеличения экспорта требовались годы на строительство новой инфраструктуры — трубопроводов, танкеров. У нас не было этих лет. А главное — нефть и нефтепродукты нам и самим нужны. Индустриализация же! В общем, идея дохлая. И что остается?

А остается самое интересное. Создать свои станки!

Вот это была бы тема! Конечно, это — самый сложный, но при этом — и самый правильный путь. Не покупать, а делать самим! Если у страны появятся свои, отечественные, производительные и точные станки, то отпадет острая необходимость в их массовых закупках за границей. А это означает, можно будет не так сильно давить на деревню, не выкачивать из нее весь хлеб.

В волнении я вскочил на ноги. Вот оно, решение! Дать стране свои, советские, станки — благородная, сложная, но чертовски увлекательная задача; и мне, как я надеюсь, она по плечу. Моя работа в БРКТ в Харькове, мои идеи и успешные опыты в области электросварки и пневмоинструмента — все это внушало надежны на успех. Конечно, все что было прежде — это детские игры по сравнению с масштабом задач. Теперь речь шла о вещах куда более серьезных. Да, какие-нибудь координатно-расточные или фрезерные станки, или технология производства подшипников — это много сложнее чем все, чем я занимался до этого, хай-тек современной индустрии. И, вероятно, не все у нас получится. Но попытаться стоило: на кону стоят миллионы жизней.

Правда, тут есть и другая опасность. Даже если мой план сработает, если мы начнем производить свои станки, Сталин, в своей одержимости темпами, мог решить: «Отлично! Теперь у нас есть и свои станки, и валюта от продажи зерна! Значит, мы можем еще больше ускорить индустриализацию!». И тогда все мои усилия пошли бы прахом.

Нет. Его нужно было постоянно, методично, осторожно предупреждать. В своих будущих письмах, в докладных записках, я должен был, наряду с техническими предложениями, раз за разом возвращаться к одной и той же мысли: «Деревня — не бездонная бочка. Ее ресурсы не бесконечны. Чрезмерное давление на крестьянство приведет к падению производства, к саботажу и, в конечном итоге, к голоду, который подорвет наши планы куда сильнее, чем любые происки врагов».

И тут я с новой силой ощутил, какая невероятная удача — мой перевод в Москву, в МВТУ. «Как хорошо, что меня перевели сюда!» — эта мысль билась в голове, как набат. В Харькове, при всем моем авторитете, я был ограничен ресурсами. А здесь, в Бауманке, я оказался в самом сердце советской инженерной мысли, в месте, где были сосредоточены лучшие умы и, что не менее важно, лучшие производственные мощности.

Я вспомнил экскурсию по училищу, которую первокурсникам, устраивали в первые дни. Я тогда увязался с ними и был очень впечатлен, увидев огромные, залитые светом цеха учебно-опытных мастерских, унаследованные от старого Императорского училища. Это был не просто набор классов для практики, а полноценный многопрофильный мини-завод! Тут был и литейный цех с вагранками, и кузнечный цех с паровыми молотами, а главное — механический цех, заставленный рядами самых современных на тот момент станков — токарных, фрезерных, строгальных. Почти все они были импортными — американскими, немецкими, швейцарскими.

Да, при грамотном подходе тут можно такого наворотить — уух! Здесь, на основе этих мастерских, можно было без проблем организовать не один, а несколько опытно-конструкторских бюро: притом студенты могли бы не просто рассчитывать и чертить, а тут же, на месте, воплощать идеи в металле, создавать опытные образцы, а то и запускать мелкосерийное про-

изводство. Дело остается за малым — зажечь этой идеей других. Убедить студентов, комсомольцев, преподавателей в перспективности этой затеи.

А значит, надо идти в комсомольскую ячейку.

Будучи новичком, «харьковским», до сих пор в комсомольской организации МВТУ я появлялся лишь для того, чтобы «представиться», отметиться, получить первые поручения. Что же, теперь пришло время заявить о себе! Идее надо придать первоначальный толчок — собрать людей, объяснить им свою идею так, чтобы они «загорелись открывающимися возможностями» и сами, без пинков и приказов, стали моими добровольными помощниками.

Настал вечер, ребята собрались в комнате. И, не отходя от кассы, я решил переговорить с ними.

— Парни, мы вот учимся, чертим, сдаем зачеты. А для чего? Чтобы через пять лет прийти на завод и встать к тому же самому американскому станку «Цинциннати» или немецкому «Лоеве»?

— А к какому же еще? — удивился Василий. — Своих-то почти нет.

— Вот именно! — подхватывал я. — Нет! И не будет, если мы сами их не сделаем! Почему мы, студенты лучшего технического вуза страны, должны только изучать чужое? Почему мы не можем создать свое? У нас есть все для этого: светлые головы наших профессоров, наши с вами молодые, энергичные руки, и великолепные мастерские, которые стоят полупустыми по вечерам! Техническая зависимость от Запада унизительна! Пора уже создать свою, советскую, инженерную станкостроительную школу!

Мы проговорили до полуночи. Я рисовал им картины будущего: новые, мощные, точные станки с гордой надписью «Сделано в МВТУ», которые будут работать на всех заводах страны, и видел, как в их глазах загорается интерес.

— Представляете, — говорил я, и мой голос звенел от собственного энтузиазма, — мы не просто будем учиться, но одновременно — творить! Создавать то, чего еще не было! И это будет не просто курсовой проект, не просто диплом. Это — реальный вклад в индустриализацию, в укрепление мощи нашей советской Родины!

Слух о моих разговорах, о моих идеях быстро разнесся по училищу. Когда на следующий день я отправился к секретарю нашей факультетской ячейки, он уже был в курсе дела.

— Слышал я, Брежнев, ты народ будоражишь, — с усмешкой сказал он. — Про станки советские агитируешь!

— Агитирую, — кивнул я. — Дело-то нужное!

— Что ж, идея правильная, по-большевистски. Только разговорами делу не поможешь. Нужна организация.

— Вот я и хочу предложить, — сказал я, — на ближайшем комсомольском собрании вынести на обсуждение вопрос о создании при нашей ячейке… скажем, «Бюро Малой Механизации». Или «Опытно-конструкторского бюро пролетарского студенчества».

Секретарь задумался.

— Звучит, — сказал он. — Звучит громко. А главное — правильно. Ладно. Готовь доклад. Выступишь на собрании. Посмотрим, что из этого выйдет. Только давай где-то через недельку: пока тут у нас начало занятий, пока то, пока се… В общем не до собраний нам сейчас. Хорошо!

Действительно, наступило первое сентября и в училище начались занятия.

Нас, студентов второго курса, разбили на бригады. Система была проста: пять-шесть человек объединялись в один маленький коллектив, который должен был вместе выполнять все учебные задания в течение семестра.

Меня, как старосту группы и уже известного активиста, без лишних разговоров назначили бригадиром. В мою бригаду вошли: Андрей, мой сосед по комнате, основательный и

надежный парень; еще двое ребят-рабочих, пришедших с рабфака, — молчаливый Петр и вертлявый, языкастый Сенька; и одна девушка, Шура, невысокая полноватая блондинка, застенчивая и тихая.

В сущности, в бригадной системе обучения для меня ничего нового не было: в ХТИ нас учили точно также. В ней, в общем то, есть свои преимущества, но раскрываются они только при грамотной организации. И я решил подойти к организации учебного процесса так же, как и к любому другому делу, — системно.

— Значит так, товарищи, — сказал я, собрав свою бригаду в первый же вечер в нашей комнате. — Учиться будем по-научному. Никакой анархии и самодеятельности. А для этого надо распределить обязанности. Андрей, ты у нас самый усидчивый. Отныне твоя задача — библиотека. Ищешь всю необходимую литературу по нашему заданию, составляешь конспекты. Петр, ты ходишь на лекции. У тебя почерк хороший, так что пиши подробный конспект, чтобы ни одно слово профессора зря не пропало. Сенька, ты у нас парень бойкий, с языком. Твоя задача — добывать информацию. Узнавать у старшекурсников, какие вопросы будут на зачете, какие темы самые сложные. Плюс — подменяешь Петра. А ты, Шура, ты будешь сводить все наши материалы воедино, оформлять чертежи. Я же, как бригадир, беру на себя общее руководство и решение самых сложных задач!

Поначалу все шло гладко. Но уже через неделю стало ясно, что наша бригада, как и любой другой коллектив, состоит не только из «локомотивов», но и из «попутчиков» и «тормозных вагонов».

Первой проблемой стала Шура. Она была очень старательной, но материал давался ей с огромным трудом. Она часами сидела над учебниками, ее губы беззвучно шевелились, но я видел в ее глазах панику и отчаяние. Она просто не понимала всех этих формул, всех этих законов термодинамики. Ее чертежи были полны ошибок, а в расчетах она путалась. Пришлось серьезно поговорить! Впрочем, девушка и сама знала про свои косяки:

— Я… я не могу, Леня, — говорила она мне со слезами на глазах. — Я глупая, наверное.

— Не глупая, — успокаивал я ее. — Просто тебе нужно больше времени. Давай так: мы с Андреем попеременно будем с тобой заниматься по вечерам, объяснять, что непонятно.

Второй проблемой оказался Петр. Он почти не появлялся в училище.

— Я работаю, Леня, — оправдывался он, когда я ловил его в общежитии. — На стипендию не прожить, а мне семью кормить надо. У меня в деревне мать и трое сестер!

Я понимал его, но и мириться с тем, что он совсем не участвует в работе бригады, не мог.

Но самой большой головной болью был Сенька. Этот вертлявый, языкастый парень, пришедший с рабфака, откровенно филонил. Он сбегал с лекций, не выполнял никаких поручений, а вечерами пропадал где-то в нэпманских пивных.

— Сенька, где конспект по теории механизмов? — спрашивал я его.

— Ой, Ленька, замотался, забыл, — врал он, не краснея. — Завтра принесу.

Но ни завтра, ни послезавтра он ничего не приносил. В общем, парень оказался классическим «вагоном», халявщиком, что надеялся выехать за счет остальных.

Я понял, что если я не приму жестких мер, наша бригада развалится. Нужно было что-то делать. И делать немедленно. Я собрал бригаду снова. Шура и Петро сидели, понурив головы. А Сенька смотрел на меня с наглой, вызывающей усмешкой.

— Значит, так, товарищи, — сказал я, и голос мой звучал холодно и твердо. — Дальше так продолжаться не может. У нас не должно быть отстающих и лодырей.

Я посмотрел на Шуру.

— С тобой, Шура, мы будем заниматься дополнительно. Я и Андрей тебе поможем. Ты должна сдать эту сессию. Поняла?

Она благодарно кивнула.

Потом я повернулся к Петру.

— Слушай, я понимаю, что тебе тяжело, и нужно работать. Но учеба — это твоя главная задача сейчас. Партия послала тебя сюда не для того, чтобы ты гайки крутил, а чтобы ты стал инженером. Давай договоримся так: ты будешь выполнять хотя бы часть нашей работы. Ту, что можно делать по вечерам. Надеюсь, если моя идея с конструкторским бюро пройдет, тебе найдется работа прямо здесь, в мастерских училища. Тогда будет попроще. А пока — крутись, как знаешь! И обязательно приходи на наши общие «мозговые штурмы»!

Петр, немного подумав, согласился.

А потом я многозначительно посмотрел на Сеньку.

— А с тобой, товарищ, разговор будет короткий. Ты либо начинаешь работать, как все, либо завтра же я ставлю на комсомольском собрании вопрос о твоем поведении. О твоем наплевательском отношении к учебе и к своим товарищам. И, я тебя уверяю, из комсомола ты вылетишь, как пробка. А следом — и из института. Выбирай.

Сенька перестал ухмыляться. Он увидел в моих глазах то, что заставило его съежиться. Он понял, что я не шучу.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал он. — Я буду работать.

Я не знал, надолго ли хватит моей выволочки, но понял главное: наша бригада, как и любой другой, в сущности, человеческий коллектив, требует постоянной настройки и контроля. И роль бригадира — увы, но это тяжелая, ежедневная работа. И я был готов к этому, ведь это — еще одна ступенька на моем пути к настоящему, большому руководству.

А вот комсорг даже через неделю собрание не провел. Вспомнил я об этом лишь через две недели после разговора с ним — так замотался со всеми делами. Пора выяснить, что у него случилось, а то все мои слова так и останутся пустыми разговорами.

Глава 4

Секретаря я поймал у деканата: он со снисходительным видом о чем-то разговаривал с группой рабфаковцев. Меня он при этом старательно не замечал. Пришлось подождать, пока он освободиться.

Закончив наконец разговор, он пошел прочь по широкому коридору.

— Сергей Аркадьевич! — окликнул его я. — Так что насчет моего предложения? Будем созывать собрание?

Оглянувшись, он смерил меня взглядом.

— Брежнев, очередное собрание ячейки факультета семнадцатого. У нас никому рот не затыкают, все могут высказаться, кроме троцкистов и зиновьевцев, конечно же. А специально собирать ради тебя я никого не собираюсь. Дел много!

И, равнодушно развернувшись, пошел дальше.

Вот тебе и раз! То, что для меня казалось крайне срочным и важным, этот фрукт, похоже, и в грош не ставит… Впрочем, поразмыслив, я решил, что нет худа без добра: за предстоящие десять дней я подготовил письменные тезисы, а еще — внимательно изучил станки, стоявшие в наших мастерских. Прийдя туда вечером, я тщательно осмотрел самые новые из имевшихся станков. Вот немецкий, Лоёве. Американский — Цинциннат. Швейцария, Австрия, Швеция… Да, вот бы скопировать все это! Собственно, вот они — современные станки, прямо под боком. Бери и копируй!

За одним из станков работал молодой парень. Неторопливо он закреплял в патрон токарного станка какую-то деталь сложной формы и пытался подточить ее, энергично вращая рукоятки суппорта. Когда я подошел, он оставил работу и с легкой улыбкой посмотрел на меня.

— Что делаете? — спросил я, с интересом осматривая его изделие.

— Работаю над дипломным проектом. Это — кок винта. Деталь самолета! — пояснил он.

Я осмотрел молодого человека внимательнее. Высокого роста, кучерявый, с сильно скошенным подбородком, выглядел он на несколько лет старше меня.

— Ты с авиационного?

— Да. «Воздушник». Специализируюсь на аэродинамике!

— Не очень удобно делать такое на токарном станке! — заметил я.

— Другого нет!

— Как тебя звать?

— Семен!

— А я — Леонид. Приходи на комсомольское собрание семнадцатого, я там за станки речугу толкать буду.

— Хорошо. Там увидимся! — произнес парень и вернулся к станку. Я же в раздумьях пошел дальше. Лицо парня показалось мне смутно знакомым, но где я его мог видеть, так и не вспомнил.

***

В общем, целую неделю я готовился: писал тезисы, репетировал речь. Раз у меня будет всего пять минут, чтобы зажечь ребят, пробить эту стену бюрократического равнодушия — значит, стоит подготовиться как можно лучше! И вот этот день настал.

Большая лекционная аудитория была набита битком. Я сидел в первом ряду и с нетерпением ждал своего часа. Но то, как началось собрание, повергло меня в полное недоумение.

— Товарищи, — сказал Ланской, поднимаясь на трибуну. — Сегодня у нас на повестке дня один, но очень важный, принципиальный вопрос. Об облике советского студента-комсомольца. О нашей одежде.

Я опешил. Я-то думал, будут обсуждать планы, задачи, борьбу с НЭПом. А они — про одежду!

Первым на трибуну взлетел рабфаковец Сенька, мой сосед по бригаде, который теперь, после моей «проработки», стал ярым борцом за чистоту пролетарских рядов.

— Товарищи! — загремел он. — Посмотрите вокруг! Во что превращается наша комсомольская ячейка? Некоторые товарищи, вместо того чтобы носить простую рабочую блузу, авангард нашей революции, начали напяливать на себя… галстуки!

Он произнес это слово с таким презрением, будто говорил о чем-то непристойном. По залу пронесся гул.

— Что такое галстук, товарищи? — патетически вопрошал Сенька. — Это — удавка на шее пролетариата! Это — буржуазный пережиток, символ господ, которые никогда не работали своими руками! Это — ошейник, который носили приказчики и лакеи, чтобы угодить своим хозяевам! Как может комсомолец, будущий красный инженер, добровольно надевать на себя этот символ рабства?! Я считаю, мы должны дать решительный, классовый отпор этому мещанскому поветрию!

Он сошел с трибуны под жидкие, но дружные аплодисменты своих друзей-рабфаковцев.

Тут же на трибуну выскочила девушка в простом ситцевом платье, но с аккуратно повязанным на шее пионерским галстуком, который она, видимо, надела в пику своему оппоненту.

— А я не согласна с товарищем! — звонко заявила она. — Мы строим новую культуру, товарищи! Новую, пролетарскую культуру! И мы должны показать нэпманам и буржуазным спецам, что мы — не лапотники, а будущая советская интеллигенция!

— Вшивая интеллигенция! — крикнули с места.

— Не перебивайте! — отрезала она. — Ленин призывал нас учиться, овладевать всеми богатствами, которые создало человечество! А аккуратный, чистый внешний вид, в том числе и галстук, — это и есть признак культуры! Мы должны быть не только идейно подкованными, но и опрятно одетыми! Чтобы на нас было приятно смотреть!

— На тебя и так приятно смотреть, Катюха! — снова раздался разухабистый крик, и зал дружно рассмеялся.

Катя покраснела, но продолжила:

— Я считаю, товарищи, что галстук — это не пережиток, а инструмент в нашей борьбе за нового человека. Мы должны отвоевать его у буржуазии, как мы отвоевали заводы и фабрики, и наполнить его новым, нашим, пролетарским содержанием! И не зря сам товарищ Ленин всегда носил галстук!

— А товарищ Сталин никогда его не носит! — вновь выкрикнул кто-то под дружный смех собравшихся.

Разгоралась дискуссия. Как водится, мнения разделились:

— Правильно товарищ сказал! — поддерживал Сеньку какой-то парень в косоворотке. — Сегодня — галстук, завтра — фрак, а послезавтра что? Монокли натянем, пенсне напялим, волосы набриолиним и станем с нэпманами раскланиваться, а нэпманшам ручки целовать?

— Глупости! — возражал ему студент в тюбетейке и очках. — Вопрос не в самой вещи, а в отношении к ней! Можно и в рабочей спецовке быть мещанином в душе. А можно и в галстуке оставаться настоящим большевиком! Я вот ношу шапку узбекских крестьян, но ведь не становлюсь от этого узбеком!

Я слушал весь этот бред, и меня душила смесь возмущения и смеха. Ну что за детский сад! Взрослые, хоть и молодые, люди с такой страстью, с таким жаром спорили о тряпках, в то время как страна стояла на пороге грандиозных свершений и страшных испытаний. По накалу курьезности это было похоже на диспут средневековых схоластов о том, сколько чертей (или ангелов? А, все равно!) может уместиться на кончике иглы.

Секретарь, видя, что спор заходит в тупик, решил направить его в другое, более конкретное русло. Он перешел к «персональному делу»

— Вот, товарищи, есть в наших рядах такая товарищ Снегирева… — начал Ланской, и среди комсомольцев раздались шутки и смешки. Похоже, Снегирева эта действительно крепко накосячила, и все предвкушали образцово-показательную порку.

— Так вот, третьего дня эта гражданка зачем-то явилась в училище в пелерине котикового меха! Уж я не стану задаваться вопросом, товарищи, откуда у пролетарской студентки, это… буржуазное излишество. В конце концов, это дело личное. Но, товарищ Снегирева! Объясните нам, зачем вы заявились в аудиторию в таком виде, да еще и сейчас, во время года, никак не располагающее к мехам? Вы замерзли посредине бабьего лета? — грозно вопрошал Ланской. — Или вы просто хотели выделиться из коллектива, показать остальным студентам свою обеспеченность?

Девушка, бледная, испуганная, что-то лепетала про то, что это подарок от родителей, а на улице холодно. Впрочем, слова ее приняли с понятным недоверием.

— Знаем мы это «холодно». Пашке Стешковскому хотела понравиться, вот и все дела! — весело проговорил вполголоса мой сосед Василий.

— А вы знаете, товарищ Снегирева, — вмешался кто-то из зала, — что наша молодая Советская Республика продает пушнину за границу? За валюту! Чтобы на эту валюту купить станки, трактора, которые так нужны нашей стране! А вы эту валюту на себя напялили! Вам не стыдно?

Я продолжал слушать весь этот бред, и противоречивые чувства смеха и гнева лишь нарастали. И вдруг, среди этого абсурдного спора, одна фраза зацепила меня. «Пушнину продают за валюту».

Валюта. Снова это слово. То самое, что произносится здесь с придыханием. Как будто упоминается невесть какая ценность. То, из-за которого, как я понял, и разгорится в будущем трагедия голода.

Пушнина! Черт, ну конечно же! Я ведь тоже вспоминал о ней, но отбросил идею как несостоятельную. Но раз она все еще актуально, то что если развить ее? Продавать пушнину, но не ту, которую добывают охотники в тайге — этого крайне мало. Нет, нужна пушнина, поставленная на промышленную, научную основу. Идея, простая и ясная, родилась в моей голове. Надо устроить зверосовхозы! Создать по всей стране, особенно в Сибири, на Севере, государственные хозяйства по разведению ценных пушных зверей — черно-бурой лисицы, песца, соболя, норки. Поставить это дело на научную основу: селекция, правильное кормление, ветеринарный контроль. Это позволило бы получать не случайную добычу охотников, а тысячи, десятки тысяч высококачественных, одинаковых по цвету и размеру шкурок.

Точно! Такой товар на мировых аукционах в Лондоне и Нью-Йорке пошел бы нарасхват. И за него платили бы настоящие деньги, твердую валюту. И эта валюта, полученная не за счет отнятого у крестьян хлеба, а за счет разведения пушных зверей, могла бы стать серьезной альтернативой. Она могла бы спасти тысячи, а может, и миллионы жизней.

Идея так захватила меня, что я чуть не пропустил собственное выступление.

— Товарищ Брежнев! — будто сквозь вату услышал я голос Ланского. — Ваше время. Раздел «Разное». Пять минут!

Я встряхнулся и вышел к трибуне.

— Товарищи! — я вышел на трибуну и обвел взглядом гудящую аудиторию. — Мы тут жарко спорим о галстуках и пелеринах. Это, конечно, важные вопросы. Но пока мы спорим, чем живет страна? На чем держится вся наша индустрия?

Я сделал паузу, давая словам впитаться.

— Вот я — студент с направления «Станкостроение». И мне, товарищи, горько и стыдно осознавать, что держится она на заграничных станках! На американских «Цинциннати», на

немецких «Лоеве». Мы покупаем их за золото, за хлеб, который отрываем от себя, от наших крестьян. У детей отнимаем! Мы, студенты лучшего технического вуза страны, учимся на инженеров, чтобы прийти на завод и встать к чужому, заморскому станку. Вам не обидно, товарищи?

По залу пронесся одобрительный гул. Определенно, я нащупал верную ноту.

— Нам говорят: строить станки — дело заводов. Вот выучитесь, мол, и тогда… А я говорю: это и наше дело! Да-да! Дело нашего училища, каждого комсомола! Посмотрите вокруг: у нас есть великолепные мастерские, которые по вечерам стоят пустыми. У нас есть светлейшие головы — наши профессора. И у нас есть наши с вами молодые, энергичные руки и мозги!

— Так что же вы предлагаете, товарищ Брежнев? — крикнул Ланской с места, пытаясь перехватить инициативу.

— Я предлагаю перестать отправлять студентов разгружать вагоны! — ответил я, поворачиваясь к нему. — И дать им зарабатывать не горбом, а головой! Я предлагаю создать при нашем комсомольском комитете опытно-конструкторское бюро, что сможет уже сейчас разработать и внедрить новое оборудование, столь нужное для наших заводов!

Я снова повернулся к залу.

— Чем бы оно могло заниматься? Первое — малая механизация! Создавать то, что нужно заводам здесь и сейчас! Пневматические дрели, гайковерты, шлифмашинки. Удобный ручной инструмент. Простые приспособления, которые в десятки раз увеличат производительность труда!

Второе — копирование! Мы будем брать лучшие иностранные образцы, разбирать их до винтика, изучать и создавать на их основе наши, советские, еще более совершенные машины! И эти образцы уже стоят в нашей мастерской — бери и изучай!

И третье — проектирование! Мы будем разрабатывать новые, наши собственные станки, которые не будут уступать заграничным!

— А деньги где взять? — раздался скептический голос.

— Правильный вопрос! Ответ такой — «война кормит войну»! Если мы будем работать не «в стол», а по реальным заказам от заводов, то денег у нас будет в изобилии! Ну, то есть, завод дает нам заказ и оплачивает материалы — а мы даем ему готовый станок или приспособление. И студенты, вместо того чтобы таскать мешки на Сортировочной, будут получать за свой инженерный труд настоящие, хорошие деньги!

Я обвел взглядом аудиторию. Глаза у ребят горели.

— Товарищи! Хватит спорить о тряпках! Давайте делать дело! Давайте докажем, что комсомол Бауманки — это не говорильня, а настоящий штаб технической революции! Дадим стране советский станок!

Когда я закончил, зал взорвался аплодисментами. Ребята вскакивали с мест, кричали: «Правильно!», «Даешь советский станок!». Казалось, еще мгновение — и они все, как один, ринутся в мастерские, чтобы начать строить новую индустриальную эпоху.

Я сошел с трибуны, уверенный в успехе. Теперь слово было за секретарем ячейки. Я ждал, что он сейчас подхватит этот порыв, поддержит, призовет к действию.

Сергей Аркадьевич не спеша вышел на трибуну. Лицо его… не обещало ничего доброго.

— Товарищи, — начал он своим ровным, спокойным голосом. — Предложение товарища Брежнева, безусловно, очень интересное. И, я бы сказал, идейно выдержанное. Стремление помочь стране, укрепить ее промышленную мощь — это то, что отличает настоящего комсомольца.

Он сделал паузу, обводя зал взглядом.

— Но, — продолжил он, и в его голосе появились нотки сомнения, — мы не должны поддаваться эмоциям. Мы должны подходить к любому делу по-большевистски. То есть, взвешенно, расчетливо и политически правильно.

Я насторожился.

— Идея создать свое конструкторское бюро — это, конечно, прекрасно. Но давайте посмотрим правде в глаза. Кто будет этим заниматься? Наши профессора? Но они и так загружены лекциями, научной работой. У них нет времени на ваши… эксперименты. Студенты? Но главная задача студентов — учиться! Грызть гранит науки! А не отвлекаться на посторонние дела. Строить станки — это дело рабочих, дело заводов. А наше дело — стать грамотными инженерами, чтобы потом прийти на эти заводы и руководить. Опять же, вот это предложение — копировать импортные станки. Ну вот разберем мы оборудование наших мастерских — а на чем же мы, товарищи, учиться будем? Да и сможем ли обратно собрать то, что разобрали?

В зале раздались скептические смешки.

— Так что, товарищи, — продолжал Ланской, — я думаю, нам не стоит торопиться. Идею товарища Брежнева нужно изучить, обдумать, согласовать…

Он говорил еще долго. Говорил правильные, казенные слова о необходимости учиться, о планах, об отчетности. И я видел, как постепенно гаснет энтузиазм в глазах ребят, а их горячий порыв тонет, увязает в этом липком, бюрократическом болоте.

Когда собрание закончилось, я был в полном недоумении. Что это было? Почему он так холодно, так формально отнесся к идее, которая вызвала такой живой отклик у всех остальных?

— Слушай, Вась, — спросил я своего соседа, когда мы вместе шли по коридору из аудитории в сторону общежития. — Я что-то не пойму нашего секретаря. Идея-то, вроде, хорошая, все загорелись. А он ее, по сути, «замылил». Почему?

Василий покосился на меня, усмехнулся.

— Эх, Леня, Леня. Провинция ты, хоть и с головой. Аппаратных игр не понимаешь!

— Каких еще игр?

— А таких, — он понизил голос. — Ты думаешь, ему твоя идея не понравилась? Не-ет! Понравились, еще как. Зато ему не понравился ты.

— Я? — удивился я. — Чем же?

— А тем, что ты его подсиживаешь, — просто ответил Василий.

— Как это — «подсиживаю»?!

— А вот так. Ты кто такой? Приехал из Харькова, с блестящей характеристикой, с путевкой из ЦК. Сразу старостой стал. В Харькове был секретарем всего института. Опять же, вышку эту свою затеял, на весь Союз тогда прогремел. Теперь вот — приехал, без году неделя, и вот, со станками лезешь. Понимаешь, что получается? Ты отбираешь у него инициативу, становишься самым заметным, самым активным комсомольцем на факультете. А Сергей, он хоть и парень неплохой, но своего не упустит! Ну и, понятно, опасается — а ну как на следующих выборах ячейка выберет не его, а тебя! Вот и тормозит все твои начинания, чтобы ты, значит, не слишком-то высовывался. Понял теперь?

Разумеется, я все понял еще до того, как он договорил. Нда, блин… Люди как люди, только квартирный вопрос испортил их! Разный народ живет в СССР — и бессребреники — энтузиасты, и вот такие вот, мещане от комсомола. Вот гадство!

— Ну и что же мне теперь делать? — спросил я.

— А ничего, — пожал плечами Василий. — Ждать. Или… бороться теми же методами. Но учти, аппаратная борьба — дело такое… Грязное.

Значит, вот как. Я снова столкнулся с проявлением той самой подковерной грызни, но уже на более низовом и даже личном уровне. И я понял, что мой путь наверх будет еще сложнее, чем я думал.

Но злость быстро сменилась холодным расчетом. Если я знаю, чего он боится, значит, я знаю, как с ним бороться. И в данном случае, возможно, нет смысла идти напролом. Ведь позиция секретаря комсомольской ячейки факультета меня не интересует — я вообще надеюсь скоро вступить в партию.

Я развернулся и, не заходя в общежитие, пошел обратно в институт, в комитет комсомола. Сергей все еще был там, разбирал какие-то бумаги.

— Товарищ секретарь, — сказал я, входя в кабинет. — Прости, что отрываю. Я совсем забыл тебе сказать одну важную вещь.

Он поднял на меня свои настороженные глаза.

— Какую еще вещь?

— Да вот, — я постарался придать своему лицу самое невинное выражение. — Меня тут в парткоме училища, приметили. Теперь я — кандидат в члены ВКП (б).

Я видел, как изменилось его лицо. Напряжение спало, в глазах мелькнуло удивление, а потом — плохо скрываемое облегчение.

— Серьезно? — переспросил он. — Ну, это… это здорово. Поздравляю!

— Спасибо, — кивнул я. — Но ты не думай, я от комсомольской работы не отлыниваю. Любые поручения выполнять готов. Но только, сам понимаешь, чтобы они не шли вразрез с делами партийными. У меня теперь, так сказать, двойная нагрузка.

Ланской еле сдерживал радостную улыбку. Я попал в самую точку. Если я поступаю в партию, значит, нацелился делать карьеру там. С моим-то напором! И получается, на его кресло секретаря комсомольской ячейки я претендовать уже не буду — это совершенно разные епархии. Он мог спать спокойно.

— Да, да, конечно, понимаю, — закивал он. — Партийная работа — это главное.

— Вот и я о том же, — вздохнул я, делая вид, что огорчен. — Жаль только, с нашим конструкторским бюро, похоже, ничего не выйдет. А ведь какая была идея! В парткоме-то меня поддержали!

Я сделал паузу, давая ему возможность вставить слово, но он молчал, наслаждаясь своей победой.

— Представляешь, — продолжал я, как бы рассуждая вслух. — Это же не только бесценная практика для студентов, но и какая репутация всего нашего училища! Мы бы показали всей стране, что МВТУ — настоящий центр технической мысли! И отчисления от заводов пошли бы. И комсомол бы снова показал себя, как авангард, как локомотив, который тащит страну в светлое будущее… Эх, какая возможность упущена!

Я повернулся, чтобы уйти. И у самой двери, как бы между делом, бросил свой последний, «добивающий» удар.

— Ну да ладно. Раз у комсомола нет возможности продвинуть эту идею… может, в парткоме помогут. Поговорю завтра с товарищами. Объясню им всю пользу для дела. Думаю, они меня поддержат.

И тут Ланской пружиной вскочил со стула.

— Погоди, погоди, Леонид! — засуетился он. — Зачем же сразу беспокоить уважаемых партийных товарищей по таким, в общем-то, мелким вопросам?

— Так ведь вопрос-то совсем не мелкий, а наоборот, государственный, — с нажимом сказал я.

— Государственный, но… комсомольский! — он быстро нашелся. — Это же для студентов! Это наша, молодежная, инициатива! И мы, комсомольцы, должны сами, своими силами, ее и воплощать! Негоже перекладывать свою работу на плечи старших товарищей!

Поразительная метаморфоза произошла с нашим комсомольским боссом! Только что он был сонным как муха, и вот уже пышет энтузиазмом!

— Знаешь, что я тут подумал. Твоя идея… она ведь и вправду отличная, даже, пожалуй, что гениальная! И мы не должны ее хоронить! Я лично возьму это дело под свой контроль! Соберу актив, лучших студентов, поговорю с профессорами! Мы создадим это бюро, и докажем всем, на что способен комсомол Бауманки!

Я смотрел на него и едва сдерживал усмешку. Вот так. Только что он был готов утопить мою идею, а теперь он готов был нести ее, как знамя. А все потому, что увидел способ выдать мою идею за свою и, соответственно, приписать себе все будущие заслуги.

Гнида ты, Ланской. Но — полезная гнида!

Что ж, пусть так. На данном этапе мне это было даже выгодно. Мне же нужен не почет, а результат — надо чтобы это конструкторское бюро начало работать; а уж там, в процессе совместной работы со студентами, с инженерами, я найду способ и себя показать, и, как бы невзначай, упомянуть, кто был истинным инициатором этого дела.

— Отличная мысль, Сергей Аркадьевич! — с самым искренним видом сказал я. — Я рад, что ты меня поддержал. Это будет наше общее, большое, комсомольское дело!

Через неделю, как и обещал Ланской, было созвано расширенное комсомольское собрание факультета. Повестка дня была одна: «Об организации студенческого конструкторского бюро для помощи промышленности».

Аудитория была набита битком. Пришли не только комсомольцы. Пришли беспартийные студенты, несколько молодых преподавателей. Чувствовалось, что идея, брошенная мной, попала на благодатную почву.

Сергей, как секретарь, вел собрание. Он говорил долго, пафосно, о роли пролетарского студенчества, о задачах индустриализации. Он представлял идею создания КБ как свою собственную, как результат долгих и мучительных раздумий бюро ячейки. Я сидел в первом ряду и с усмешкой слушал его, не перебивая. Пусть. Пусть тешится самолюбием. Главное — дело.

А потом начались выступления. Я с удивлением и внутренним трепетом узнавал в выступающих лица, знакомые мне по учебникам истории из будущего.

Вот вскочил со своего места высокий, лобастый, немного нескладный парень с горящими, упрямыми глазами и густой спадающей на лоб челкой.

— Сергей Королёв, аэромеханический факультет, — представился он. — Идея правильная! Хватит нам делать модели из реек и бумаги! Пора строить настоящие машины, которые полетят! Наше КБ должно стать центром авиационной мысли!

Следом за ним выступил другой, постарше, с серьезным, волевым лицом.

— Мясищев. Мы, планеристы, полностью поддерживаем эту инициативу! Нам нужны не только чертежи, нам нужна производственная база для постройки наших аппаратов!

И не успел я отойти от шока предыдущих фамилий, как появился тот самый курчавый парень-дипломник, что вытачивал кок винта на токарном станке в мастерских.

— Лавочкин! — представился он. — Товарищи, это все, конечно, хорошо. Идея, энтузиазм… Но есть один конкретный вопрос к президиуму. Как именно будет выглядеть эта «работа с заводами»? Мы что, придем на «Серп и Молот» и скажем: «Здравствуйте, мы студенты, хотим сделать вам что-нибудь полезное»? Нас же оттуда выгонят, и правильно сделают! Нужен механизм! Четкий, понятный план взаимодействия с предприятиями!

В зале одобрительно загудели. Семен задал главный, самый практический вопрос. И я увидел, как растерялся наш секретарь. Может быть, он был хорошим агитатором, но уж точно не хозяйственником. Он замялся, что-то пробормотал про «необходимость проработать этот вопрос». И в этот момент я понял, что это — мой выход. Я поднял руку.

— Товарищ Брежнев, — с нескрываемым облегчением сказал Ланской, — у вас есть что добавить?

— Есть, — сказал я, выходя на трибуну.

Я посмотрел на Лавочкина, (вот где я его раньше видел! В учебнике истории!), на Королёва, на Мясищева, на сотни обращенных ко мне молодых, пытливых глаз.

— Товарищ задал абсолютно правильный вопрос. Нужен механизм. И он у нас есть.

И я попытался коротко, четко, ясно, по-деловому рассказать свое видение процесса.

— Начинать нужно с малого — с какого-то конкретного заказа. Мы не можем ждать, пока заводы сами придут к нам: нам самим следует прийти к ним с готовым предложением. Я предлагаю следующую схему: для начала, наше КБ само делает запрос на заводы — какой инструмент, какое приспособление им сейчас нужно больше всего? В качестве «толчка» можно обратиться, например, на Харьковский паровозостроительный завод. Я там работал и примерно представляю их нужды. После этого завод, получив наше предложение, оформляет официальный заказ и направляет его в наше училище. А мы, здесь, в наших мастерских, его выполняем.

Я сделал паузу.

— Когда мы выполним первый заказ, второй, третий, у нашего КБ начнет формироваться, список выполненных работ. И в следующий раз, когда мы придем на другой завод, мы сможем не просто предлагать, а показывать. Вот, смотрите, что мы уже сделали для ХПЗ. Вот — отзывы. Вот — экономический эффект! А там, глядишь, и известность нашего КБ вырастет, и заводы уже сами поймут, как работает эта система, и будут направлять свои заявки. И я, товарищи, готов лично организовать эту первую связь. Готов поехать в Харьков и привезти оттуда первый, настоящий заказ для нашего бюро.

Но, с другой стороны, товарищи, мы можем и сами придумать что-то такое, о чем на заводах и не догадываются, и сами это предложить. Скажем, так получилось у нас в ХПЗ с электросваркой: все говорили, что это невозможно, а мы взяли и сделали!

Когда я закончил, в зале снова раздались аплодисменты. Все были в восторге. Все… кроме нашего секретаря. Ланской сидел мрачный и сверлил меня взглядом колючих серых глаз. Он понял, что я снова, у всех на глазах, перехватил инициативу, и вся ячейка увидела, кто здесь настоящий лидер и инициатор, а кто — так… примазавшийся. Ведь если до этого момента можно было сказать, что я подал лишь идею, а реализовал ее Ланской, и все заслуги были бы тогда его — идей-то много каждый высказывает, но сколько из них реализуется на практике? То сейчас я вызвался именно реализовать проект, его самую сложную часть — начальный этап. И это сильно не понравилось секретарю. Его взгляд не предвещал мне ничего хорошего.

Глава 5

После собрания Ланской отвел меня в сторону. Его лицо было бледным от сдерживаемого гнева.

— Ты что себе позволяешь, Брежнев? — прошипел он. — Кто тебе давал право выступать с такими предложениями? Я — секретарь ячейки! Я веду собрание! Что ты устроил?

— Я просто ответил на вопрос, который ты не смог, — спокойно парировал я.

Внимательно вглядываясь мне в глаза, он покачал головой.

— Я вижу, с тобой каши не сваришь. — его голос дрожал от злости. — Так вот, слушай сюда: предупреждаю, еще одна такая выходка, еще одна попытка вылезти вперед меня, и я найду способ тебя убрать. Найду причину, чтобы исключить из комсомола. Понял? Не бери на себя больше, чем тебе положено.

Он повернулся и, не прощаясь, быстро пошел по коридору.

А я смотрел ему вслед и усмехался. Угрожает? Боится?

Значит, я все делаю правильно.

***

Несмотря на этот неприятный эпизод, я был очень доволен исходом собрания — большинством актива идея создания студенческого КБ была принята на «ура». Ланской, видя общее настроение, чтобы не потерять лицо, был вынужден не только поддержать его создание, но и возглавить оргкомиссию.

Но я не питал иллюзий. Понятно было — при первой же возможности этот тип постарается вставить мне палки в колеса, превратив живое и важное дело в очередную бюрократическую говорильню. Дальнейшее развитие событий я видел так, будто все уже произошло: Ланской будет пытаться «руководить процессом», а поскольку он нихрена, кроме марксизма-ленинизма, не знает и изучить неспособен, будет нести дичь и творить лютую хрень. Я не смогу этого терпеть и буду гнуть свою (единственно правильную, разумеется) линию. Он будет воспринимать это как покушение на собственную прерогативу и, гм, «подсиживание» (ну вот кому он нахрен нужен? Ничтожество…). Короче, спокойная жизнь мне не грозит, и по здравому размышлению я пришел к четкому осознанию: нужно подстраховаться! Чтобы обезопасить себя от этой комсомольской бюротвари, надо заранее заручиться поддержкой силы, с которой не посмел бы спорить даже секретарь комсомольской ячейки.

И на следующий же день я отправился в партком училища.

Секретарем парткома был товарищ Бочаров, член ВКП (б) с 1907 года, к тому же и сам инженер — из старых, дореволюционных. Немногословный, прямой, с лицом, обветренным на фронтах Гражданской, Николай Пахомович ценил не красивые слова, а реальные дела и, в общем, не любил интриг.

Я подробно рассказал ему о своей идее. О конструкторском бюро, о заказах от заводов, о малой механизации.

— Это, товарищ Бочаров, не просто кружок по интересам, — говорил я. — Это — реальный способ поднять нашу промышленность. И, кроме того, это решение проблемы студенческой нищеты. Ребята будут не вагоны разгружать, а работать по специальности, головой.

Бочаров слушал, смолил папиросу за папиросой и поглаживал свои прокуренные седые усы.

— Идея, безусловно, правильная, — сказал он, когда я закончил. — Но ты, верно, не представляешь всех затруднений, связанных с этим делом.

Он встал, подошел к окну.

— Ты пойми, Леонид, любая сложная машина — это не просто идея и чертеж. Это — технологии. Это — комплектующие. Вот ты предлагаешь пневматическую шлифмашинку. Идея прекрасная. Но чтобы она работала, что нужно?

— Ну… ротор, корпус, абразивный круг… — начал перечислять я.

— Это детали, — перебил он. — А я говорю о комплектующих. Судя по этим чертежам, нужны гибкие шланги высокого давления, и при этом — легкие, чтобы рабочий мог их за собой таскать, малого диаметра. У нас в стране их почти не делают. Нужны надежные быстроразъемные соединения — штуцера, пневморозетки, чтобы рабочий мог быстро подключить инструмент. А где их взять? А абразивные диски? Исходя из проекта, они должны выдерживать тысячи оборотов в минуту! Если такой диск разлетится, он же покалечит рабочего! Кто будет за это отвечать? Ты?

Я молчал. Увлеченный общей идеей, не думал об этих «мелочах».

— То же самое и с твоими станками, — продолжал Бочаров. — Чтобы сделать хороший, точный станок, нужны прецизионные подшипники. А у нас их кто делает? Никто! Мы их за золото в Швеции покупаем. Опять же, надо специальные масла, которые не теряют своих свойств при высоких нагрузках, высококачественные шестерни из легированной стали, а не из того чугуна, что у нас на заводах льют. Понимаешь теперь?

Я понимал. Мои красивые чертежи, мои гениальные идеи натыкались на суровую правду жизни — на отсталость, на разруху, на отсутствие производственной культуры.

— И что же теперь делать? — растерянно спросил я. — Отказаться от всего?

— Отказываться не надо, — сказал Бочаров. — Идеи у тебя правильные. Но действовать нужно умнее. Нельзя пытаться построить паровоз в сапожной мастерской.

Он снова сел за стол.

— Прежде чем мы начнем что-то производить в наших мастерских, ты должен сделать вот что. Ты возьмешь свои чертежи и пойдешь с ними… на наши московские станкостроительные заводы. На «Красный пролетарий», на завод имени Орджоникидзе.

— Зачем?

— А затем, чтобы поговорить с их инженерами, с их технологами. Покажи им свои проекты. И спроси: могут ли они это сделать? Не в теории, а на практике. С той точностью, с теми допусками, которые ты заложил. Могут ли они изготовить нам качественные шестерни? Наладить выпуск надежных штуцеров? Найти нужные подшипники?

— А если не могут?

— А вот тогда, Леонид, и начнется настоящая работа, — усмехнулся Бочаров. — Тогда ты вернешься сюда, и мы вместе будем думать. Будем писать докладные в ВСНХ, в наркоматы. На всех уровнях доказывать, что для производства новых станков нам сначала нужно наладить производство подшипников. Что для производства пневмоинструмента нам нужны заводы резинотехнических изделий. Понимаешь? Твоя идея из простого студенческого проекта должна превратиться в целую государственную программу по модернизации смежных отраслей.

Я молчал, а сердце мое провалилось куда-то в область желудка. Неужели он не поддержит мой проект?

Но, докурив очередную папиросу, парторг вдруг залихватски хлопнул ладонью по столу.

— Ладно, ничего! Нет таких крепостей, что не взяли бы большевики! — неожиданно бодро воскликнул он. — Ты, главное не тушуйся, гни свою линию, и все у тебя получится! С моей стороны получишь всю возможную помощь — это я обещаю. А что же ваш комсомол? Секретарь ваш, Ланской, поддерживает?

Это был тот самый каверзный вопрос, которого я ждал.

— Поддерживает, товарищ секретарь, — ответил я, стараясь говорить как можно более нейтрально. — Правда, не сразу он проникся масштабом задачи. Поначалу были у него сомне-

ния… ну, бюрократические. Согласовать, утвердить, не выходить за рамки плана… Ну, вы же знаете, как это бывает!

Я сделал паузу, давая Бочарову самому додумать недосказанное.

— Но после того, как ребята на собрании горячо поддержали идею, Сергей Аркадьевич тоже загорелся. И теперь он — один из самых активных сторонников!

Бочаров хмыкнул. Он был опытным аппаратчиком и прекрасно понял мой намек.

— Ну что ж, — наконец произнес Николай Пахомович, энергично давя окурок о дно пепельницы. — Раз поддерживает, то и хорошо. Партия всегда приветствует инициативу снизу.

Этих слов я и дожидался!

— Вот именно поэтому я к вам и пришел, товарищ секретарь, — подхватил я. — Чтобы эта инициатива не заглохла, ей нужен начальный толчок, первый реальный заказ. Я предлагаю обратиться на Харьковский паровозостроительный завод. Я там прежде работал, представляю их нужды, знаю кое-кого из руководства. В общем, могу туда съездить и договориться. Но для этого мне нужна командировка — официальная, от парткома.

Бочаров посмотрел на меня пронзительным, изучающим взглядом.

— Командировка, значит? В Харьков?

— Да, товарищ секретарь. Чтобы скрепить, так сказать, союз науки и производства.

Он несколько секунд молчал, потом взял со стола ручку.

— Ладно, Брежнев. Будет тебе командировка. Заодно и посмотрим, какой из тебя переговорщик!

Порывшись в столе, он извлек бланк удостоверения, достал из кармана кителя авторучку (дикий, по местным меркам, дефицит и хайтек! Но совсем не похожа, а привычные мне в будущем), быстро написал на бланке несколько строк, поставил размашистую подпись.

— Вот, держи. Поставишь печать в орготделе. Езжай, и помни: от успеха этого первого дела зависит будущее всего твоего начинания. Идею мало выдвинуть — важно ее дожать, реализовать «в металле». Не подкачай!

Сердце пело, когда я взял эту бумагу. Теперь Ланской, со всеми своими сомнениями и интригами, был мне не страшен.

На следующий день я ехал в так хорошо знакомый мне Харьков как официальный представитель МВТУ, уполномоченный вести переговоры на самом высоком уровне. И я был уверен, что вернусь с победой.

***

Сергей Аркадьевич Ланской, секретарь комсомольской ячейки Механического факультета, сидел в своем маленьком кабинете в комитете и правил сводку в обком. Но мысли его то и дело возвращались к злополучному собранию. Он чувствовал себя униженным, обойденным, обведенным вокруг пальца, а интуиция, ни разу еще его не подводившая, буквально кричала об опасности.

Вот же сукин сын этот Брежнев! Выскочка чертов! Приехал, и за какой-то месяц перевернул всю их тихую, налаженную жизнь. Такую породу Ланской чуял за версту. Показушник, липач, карьерист проклятый! Еще в Харькове этот тип делал все, чтобы втереться к начальству: то дурацкую парашютную вышку, то радио, то еще какую-то муть. А теперь не успел приехать сюда, и вот — сразу лезет в глаза вышестоящим товарищам с этим своим «конструкторским бюро».

И ведь дураку понятно — ничерта из этого не выйдет. За границей станки конструируют фирмы с вековым опытом, пользуются последними наработками науки, в широкой кооперации с крупнейшими предприятиями всей Европы и Америки. А у нас что? Нихрена не выйдет, кроме очередной показушной компании, на гребне которой этот Брежнев собирается скакнуть наверх. И теперь этот «герой», будет пожинать все лавры, а он, Ланской, секретарь, останется здесь и будет разгребать последствия неизбежной неудачи. Сволочь!

«Нужно было сразу его задавить, — думал Ланской, с ненавистью глядя на стопку бумаг. — Найти повод. Придраться к чему-нибудь — к дисциплине, к посещаемости, выявить оппозиционные настроения, антипартийную направленность… Поднять шум, завести персональное дело, вынести на бюро, влепить выговор. Чтобы сидел тихо и не высовывался!».

А теперь что? Теперь поздно. Теперь этот Брежнев стал слишком заметной фигурой. Его инициативу поддержали студенты, преподаватели. И если сейчас начать вставлять ему палки в колеса, то можно и самому прослыть ретроградом, бюрократом, душителем живого творчества масс.

«Ничего, — решил секретарь. — Ничего. Мы еще посмотрим, кто кого. Идея-то его, а организация — моя. Я так все это тебе „организую“, что от всех этих „гениальных“ планов останется один пшик. Увязнешь ты у меня, голубчик, в бумагах, в согласованиях и отчетах. И посмотрим тогда, какой из тебя организатор».

Он уже начал мысленно составлять план, как «помочь» Брежневу. Создать несколько комиссий. Потребовать сметы, протоколы, отчеты. Запросить характеристики на каждого члена будущего КБ. Согласовывать планы работы, придираясь к каждому пункту. Заставить отчитываться за каждую заклепку. И затянуть все это на месяцы, а то и на годы.

В этот момент на его столе резко, требовательно зазвонил телефон. Ланской вздрогнул. В те времена в Москве не так много было тех, кто мог бы ему позвонить, так что любой телефонный звонок имел значение.

Так и есть. Звонили из парткома.

— Слушаю, — сказал он, стараясь придать голосу бодрость.

— Сергей Аркадьевич? Бочаров говорит, — раздался в трубке гулкий бас секретаря парткома. — Поздравляю, товарищ!

— С чем, товарищ Бочаров? — не понял Ланской.

— С инициативой вашей, комсомольской! С конструкторским бюро! Ко мне тут товарищ Брежнев заходил, докладывал. Молодцы! Правильно действуете! Настоящая, большевистская хватка!

Сергей Аркадьевич почувствовал, как у него перехватило дыхание. Брежнев. Он уже был в парткоме. Он уже все доложил.

— Мы, со своей стороны, полностью поддерживаем ваше начинание, — продолжал Бочаров. — Уже и командировку товарищу Брежневу в Харьков подписали, для заключения первого договора. Так что, давайте, действуйте. Ждем от вас, как от руководителя комсомольской организации, конкретных результатов. Не подкачайте.

В трубке раздались короткие гудки.

Секретарь медленно положил трубку на рычаг. Какого черта?! Какого черта он поперся в партком? Его же никто туда не посылал! Ему никто не разрешал, никто не уполномочивал!

От бешенства Ланской аж покрылся испариной. Этот Брежнев, этот выскочка, оказался не так-то прост. Он не просто обошел его, Ланского — нет! Все много серьезнее! Этот тип за спиной у комсомольской организации полез в высшие сферы и заручился поддержкой парткома. Так что его слова о том, что он может пойти туда, были не пустой угрозой.

Нет. Это решительно невозможно. Этот показушник и рвач совершенно неуправляем! Он так и будет действовать за спиной и через голову, как будто его, Ланского, вообще не существует! Надо во что бы то ни стало стереть его в порошок! Но — не прямо сейчас.

Открытая война с этим человеком сейчас — самоубийство. Он показал себя слишком сильным. За ним стоят не только студенты, но и «старшие товарищи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.